

ЦИКЛ «МЕТАМОРФОЗЫ»:

VITA NOSTRA

ЦИФРОВОЙ, ИЛИ BREVIS EST

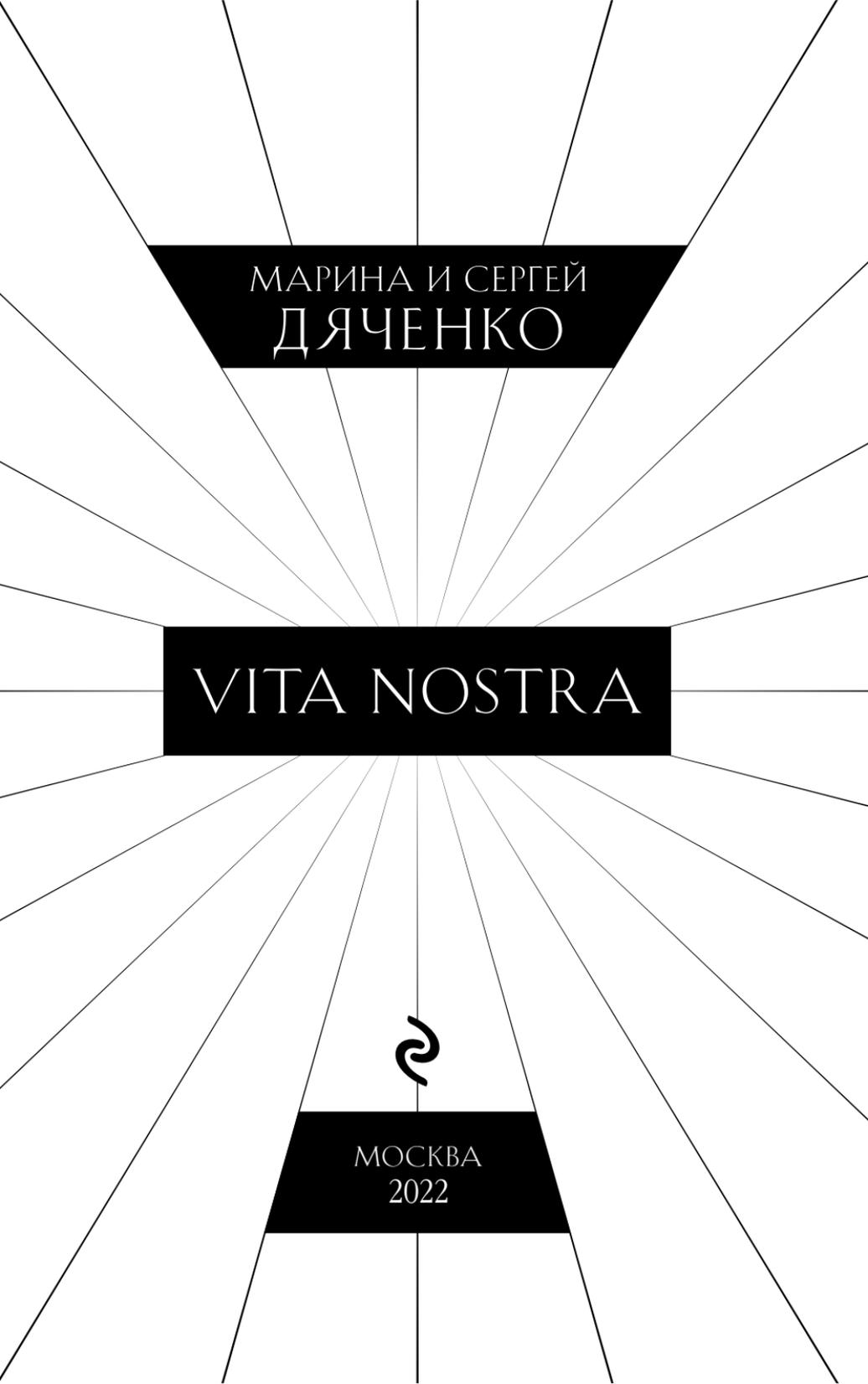

МИГРАНТ, ИЛИ BREVI FINIETUR

VITA NOSTRA:
РАБОТА НАД ОШИБКАМИ

МЕТАФАНТАСТИКА
МАРИНЫ И СЕРГЕЯ ДЯЧЕНКО

МАРИНА И СЕРГЕЙ
ДЯЧЕНКО

VITA NOSTRA

МОСКВА
2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д99

Оформление *Екатерины Тинмей*

Дяченко, Марина Юрьевна.

Д99 Vita Nostra / Марина и Сергей Дяченко. — Москва : Эксмо, 2022. — 576 с.

ISBN 978-5-04-121677-1

Жизнь Саши Самохиной превращается в кошмар. Ей сделали предложение, от которого невозможно отказаться; окончив школу, Саша против своей воли поступает в странный институт Специальных Технологий, где студенты похожи на чудовищ, а преподаватели — на падших ангелов. Здесь ее учат... Чему? И что случится с ней по окончании учебы?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-121677-1

© Дяченко М., Дяченко С., 2021
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

ЧАСТЬ I

...Цены, цены, это просто ужас! В конце концов мама сняла комнатку в пятиэтажном доме, минутах в двадцати от моря, окнами на запад. В другой такой же комнатке (квартира-то двухкомнатная!) жили парень с девушкой. Кухня, ванная, туалет — все, получается, общее.

— Они ведь целыми днями на пляже, — успокоила хозяйка. — Много ли молодым надо? Море, вон оно, из окна почти что видно. Рай.

Хозяйка ушла, оставив два ключа: от входной двери и от комнаты. Сашка нашла на дне чемодана прошлогодний, чуть полинявший купальник и торопливо переделась в ванной, где сохли на батарее чужие трусики. Ее охватил праздничный счастливый зуд: еще немножко, и в море. Волны, соль на губах, глубокая вода цвета хаки — все забылось за долгую зиму. Пальцы в прозрачной волне цветом похожи на белую черешню. Плыешь в горизонт, чувствуешь, как море оmyвает живот и спину, потом ныряешь и видишь камни на дне, водоросли и зеленоватую пеструю рыбку...

— Может, сначала поедим? — спросила мама.

Она очень устала. Дорога в душном плацкартном вагоне, беготня по квартирам и бесконечные споры с хозяйками — работа не из легких.

— Ма, мы ведь на море приехали...

Мама прилегла на диван, подложив под голову стопку свежего постельного белья.

— Хочешь, за пирожками сбегаю? — покладисто предложила Сашка.

— Что мы тут, пирожками питаться будем? Есть же кухня...

— Ну ма! Хотя бы окунуться...

— Иди, — мама закрыла глаза. — Заодно купи яиц и кефира на обратном пути. Да, еще хлеба и сливочного масла.

Сашка натянула поверх купальника сарафан, сунула ноги в босоножки и, прихватив с собой хозяйкино полотенце, выскочила во двор, на солнышко.

Во дворе цвели деревья, названия которых Сашка не знала и звала про себя «павлиновыми». За цепочкой неровно подстриженных кустов начиналась улица, ведущая к морю. «Улица, Ведущая к Морю» — так Сашка и решила ее про себя называть. Таблички с подлинным названием улицы, простым и невзрачным, ничего не значили. Бывает ведь, что прекрасным вещам дают дурацкие названия — и наоборот...

Помахивая сумкой, она пошла — побежала — вниз.

Люди шли густой толпой, кто с надувным матрасом, кто с большим зонтиком, кто с одной только пляжной сумкой. Дети, как водится, обливались талым мороженым, и матери, бранясь, затирали пятна скомканными носовыми платками. Солнце давно перевалило зенит и теперь висело над далекими горами, будто выбирая место для посадки. Сашка, улыбаясь во весь рот, шла к морю, чувствуя горячий асфальт даже сквозь подошвы босоножек.

Они выбрались.

Несмотря на безденежье, несмотря на мамины проблемы на работе. Несмотря ни на что, они приехали на море, и через пятнадцать минут... десять... Сашка нырнет.

Улица повернула. Тротуар почти полностью прегражден был щитами мелкой туристической конторы — вот «Ласточкино гнездо», Массандра, Никитский ботанический, Алупкинский дворец... Звенели и гудели игровые автоматы. Железная тумбочка механическим голосом предлагала предсказать судьбу по линиям руки. Сашка поднялась на цыпочки — и наконец-то увидела море.

Едва удержалась, чтобы не кинуться галопом. Рысцой двинулась вниз по склону, становившемуся все более крутым, туда, где прибой, туда, откуда доносился счастливый детский визг и музыка приморских кафе. Сейчас...

Ближайший пляж оказался платным. Не очень даже расстроившись, Сашка сделала крюк вокруг забора, прыгнула с невысокой бетонной балюстрады, и под ногами у нее захрустела галька. Выискав свободное местечко на камнях, сбросила на сумку полотенце, сарафан, рядом оставила босоножки и, морщась, заковыляла по камням к полосе прибоя. Едва добравшись до воды, опустилась на четвереньки, плюхнулась, поплыла...

Вот оно, счастье.

Вода в первую секунду показалась холодной, а во вторую — парной, как молоко. У берега покачивались на волнах водоросли и обрывки полиэтиленовых пакетов, но Сашка плыла дальше и дальше, и вода перед ней очистилась и сменила цвет, позади остались надувные матрасы и дети на ярких кругах, вокруг открылось море, и вспыхнул ярко-красный конический

бук — как знак совершенства между двумя голубыми полотнищами.

Сашка нырнула, открыла глаза и увидела целую стаю серых продолговатых рыб.

* * *

Она возвращалась рысцей — мама, наверное, заждалась и будет ругать ее. Дорога в гору показалась неожиданно крутой и длинной. В магазинчике единственная замученная продавщица торговала и хлебом, и яйцами, и картошкой, потому очередь к ней стояла нешуточная. Сашка заручилась поддержкой плотной загорелой женщины («Вы скажете, что я за вами, хорошо?») и по Улице, Ведущей к Морю, побежала во двор с «павлиновыми» деревьями.

Человек стоял возле квартирного бюро — зеленой будки с вечно закрытыми ставнями. Был он, несмотря на жару, одет в темный джинсовый костюм. Его лицо под козырьком синей кепки казалось нездорово-желтым, восковым. Темные очки не пропускали ни лучика и ничего не отражали. И все-таки Сашка поймала его взгляд.

Ей сделалось неприятно.

Отвернувшись и не глядя больше на странного человека, она вошла в подъезд, пропахший поколениями котов и кошек, поднялась на второй этаж и позвонила в черную дерматиновую дверь с жестяным номером «двадцать пять».

* * *

Каждое утро они просыпались в четыре, когда соседи, молодая пара, возвращались с дискотеки. Соседи долго ходили взад-вперед по коридору, пили чай,

скрипели кроватью и наконец затихали, тогда Сашка с мамой засыпали снова и в следующий раз просыпались в половине восьмого.

Сашка заваривала растворимый кофе. Они с мамой выпивали по чашечке (кухня полна была грязной посуды, молодые соседи всегда очень извинялись за беспорядок, но тарелок все равно не мыли) и шли на пляж. По дороге покупали йогурт в стаканчиках, или теплую кукурузу, обильно усыпанную кристалликами соли, или пирожки с повидлом. Брали напрокат один пластиковый шезлонг, расстилали на нем полотенце и бежали купаться, оступаясь и шипя от боли на крупной гальке. Плюхались, ныряли и не выходили из воды полчаса, а то и час.

На второй день Сашка «подгорела», и мама на ночь мазала ее плечи кефиром. На четвертый день поехали на морскую прогулку, но море было беспокойное, и обеих немножко укачало. На пятый день разыгрался почти настоящий шторм, по пляжу лениво бродили полуголые загорелые спасатели и сообщали в мегафон, что «купаться нельзя, аллигаторов тьма», как переосмыслила их заявления мама. Сашка играла с волной и однажды получила, довольно чувствительно, камнем по ноге. Остался синяк.

Вечерами по всему поселку гремели дискотеки. Группки парней и девчонок, вооруженных сигаретами, стояли у ларьков, у касс, вокруг старых чугунных скамеек и вели светскую жизнь, естественную для молодых млекопитающих. Сашка иногда ловила на себе оценивающие взгляды. Ей неприятны были эти парни с их нахальными накрашенными подругами, и в то же время скребли на душе непрошеные кошки: в шест-

надцать лет отдыхать, как маленькая девочка, с мамой нормальной девушке стыдно. Сашке хотелось бы стоять вот так, облокотившись о скамейку, в центре шумной компании и смеяться вместе со всеми, или сидеть в кафе и потягивать джин-колу из баночки, или играть в волейбол на площадке, покрытой растрескавшимся, будто шкура слона, серым асфальтом. Но она проходила мимо, делая вид, что спешит по своим, куда более интересным делам, и проводила вечера, гуляя с мамой по парку и по набережной, рассматривая картины бесконечных пляжных художников, прицениваясь к полированным ракушкам и глиняным подсвечникам, занимаясь, в общем, совсем не скучными и милыми сердцу делами, — но взрывы смеха, доносившиеся от компаний, иногда заставляли ее вздыхать.

Шторм улегся. Муть в воде ушла, море опять стало прозрачным, и Сашка поймала краба — крохотного, как паучок. Поймала и сразу отпустила. Половина срока, отпущенного на отдых, улетела непонятно куда — казалось бы, только приехали, а уже через восемь дней уезжать...

Человек в синей кепке встретился ей на базаре. Сашка шла, прицениваясь к вишне, обогнула торговый ряд и вдруг увидела его в толпе. Человек стоял поодаль, уставив на Сашку темные очки, не пропускавшие ни лучика. И все-таки она была уверена, что он смотрит на нее и только на нее.

Сашка развернулась и направилась к выходу с базара. В конце концов, вишню можно купить на углу — там дороже, но ненамного. Помахивая полиэтиленовым кульком, она вышла на Улицу, Ведущую к Морю, и двинулась вверх, к своей пятиэтажке, стараясь подольше оставаться в тени акаций и лип.

Пройдя полквартила, обернулась. Человек в темном джинсовом костюме шел за ней.

Сашка почему-то была уверена, что он остался на базаре. Вероятность того, что человеку и Сашке просто по пути, оставалась, конечно, но казалась совсем несерьезной. Глядя в черные, непрозрачные стекла очков, Сашка испытала вдруг панический ужас.

Вокруг полно было отдыхающих и пляжников. Дети все так же обливались талым мороженым, ларьки все так же торговали жвачкой, пивом и овощами, с неба жгло послеполуденное солнце, а Сашке сделалось холодно до инея в животе. Сама не зная, откуда страх и почему она так боится темного человека, Сашка рванула вверх по улице так, что только босоножки застучали, а прохожие шарахнулись с пути.

Задышавшись и не смея оглянуться, она вбежала во двор с «павлиновыми» деревьями. Заскочила в подъезд и позвонила. Мама долго не открывала дверь, внизу, в подъезде, хлопнула створка, послышались шаги по лестнице...

Мама наконец отперла. Сашка вскочила в квартиру, едва не сбив ее с ног. Захлопнула дверь и заперла на замок.

— Ты что?!

Сашка прильнула к глазку. Искаженная, как в кривом зеркале, показалась соседка с кульком алычи, миновала второй этаж, двинулась выше на третий...

Сашка перевела дух.

— Что случилось? — с тревогой спросила мама.

— Да так, — Сашке уже было стыдно. — Привязался тут один...

— Кто?!

Сашка взялась объяснять. История с темным человеком, будучи рассказанной внятно, оказалась не то что не страшной — дурацкой совершенно.

— Вишню ты не купила, — подытожила мама.

Сашка виновато пожала плечами. Надо было взять кулек и вернуться на базар, но при мысли о том, чтобы открыть дверь и выйти опять во двор, жалобно подрагивали поджилки.

— Новые новости, — вздохнула мама.

Взяла у Сашки сумку и деньги и молча ушла на базар.

* * *

На другой день утром по дороге на море Сашка опять увидела темного человека. Он стоял у киоска турфирмы, будто изучая маршруты и цены, а на самом деле наблюдая за Сашкой из-за непрозрачных темных очков.

— Ма... Смотри...

Мама проследила за Сашкиным взглядом. Подняла брови:

— Не понимаю. Стоит себе мужичок. Ну и что?

— Ты в нем ничего особенного не видишь?

Мама шла как ни в чем не бывало, с каждым шагом приближаясь к темному человеку. Сашка замедлила шаг.

— Я на ту сторону перейду.

— Ну перейди... По-моему, тебе солнце голову напекло капитально.

Сашка пересекла полосу мягкого асфальта с отпечатками покрышек. Мама прошла мимо темного человека, он даже не глянул на нее. А смотрел на Сашку и только на Сашку. Провожал ее взглядом.

На пляже они взяли шезлонг, поставили на обычном месте, но Сашке впервые не хотелось купаться. Ей хотелось вернуться домой и запереться в квартире... Хотя дверь-то в квартире фанерная, иллюзия, можно сказать, обшитая старым дерматином. Уж лучше здесь, на пляже, гделюдно и шумно, где покачиваются у берега плавучие матрасы, малыш с надувным кругом на поясе стоит по колено в воде, а круг в виде лебедя с длинной шеей, и ребенок сжимает белое податливое горло...

Мама купила пахлавыв у разносчицы в белом фартуке. Сашка долго облизывала сладкие липкие руки, потом пошла к морю — сполоснуть. Вошла в воду, не снимая пластиковых шлепанцев. Красный буюк, знак совершенства на полпути к горизонту, едва покачивался на воде, отражал солнце матовым боком. Сашка улыбнулась, сбрасывая тревогу. В самом деле, смешная история. Чего ей бояться? Через неделю она уедет домой, и вообще. Что он ей сделает?

Она вошла поглубже, сняла шлепанцы и забросила на берег, подальше, чтобы не утащило случайной волной. Нырнула, проплыла несколько метров под водой, вынырнула, фыркнула, засмеялась и рванула к буйку — оставляя сзади берег, гомон, торговку пахлавой, страх перед темным человеком...

А днем оказалось, что забыли купить масло и рыбу не на чем жарить.

* * *

Покачивались розовые цветы на «павлиновых» деревьях. Дальше, в кустах, тоже что-то цвело и пахло, привлекая пчел. На скамейке дремала старушка. Мальчишка лет четырех возил мелками по бетонной бров-

ке тротуара. По Улице, Ведущей к Морю, текла обычная пестрая толпа.

Сашка вышла на улицу и опять огляделась. И рысью, чтобы побыстрее управиться, рванула в магазин.

— Женщина, вы последняя? Я за вами буду..

Очередь двигалась не быстро, но и не медленно. До прилавка оставалось три человека, когда Сашка почувствовала взгляд.

Темный человек возник в дверях магазина. Шагнул внутрь. Минуту очередь, подошел к прилавку. Остановился, будто разглядывая ассортимент. Глаза, скрытые очками, сверлили Сашку. Просверливали насквозь.

Она не двинулась с места. Сперва потому, что ноги прилипли к полу. Потом — подумав и осознав, что здесь, в магазине, ей ничего не грозит. Ей вообще ничего не грозит.. А все бросать, выбираться из очереди, бежать домой — глупо. В подъезде он ее и настигнет.

Вот разве что покричать маме со двора... Пусть выглянет в окно...

И что?!

— Девушка, вы берете?

Она попросила масло. Расплачиваясь, рассыпала мелочь. Старичок, стоявший за ней, помог собрать монеты. Может быть, попросить у кого-то помощи?

Темный человек стоял у прилавка и смотрел на Сашку. От его взгляда у нее мысли путались в голове. Позор, но все сильнее хотелось в туалет.

Закричать «помогите!»?

Никто ничего не поймет. Никто не знает, почему Сашка испытывает такой ужас перед этим обыкновенным, в общем-то, человеком. Ну, бледное лицо...

Ну, темные очки... Что же с ней происходит, когда он вот так смотрит на нее из-под непрозрачных стекол?!

Зажав в кулаке сумку с пакетом сливочного масла и бутылкой подсолнечного, Сашка пошла к выходу из магазина. Человек двинулся за ней, будто не собираясь ничего скрывать. Не притворяясь. Деловито и целенаправленно.

Переступив порог, она сорвалась с места, как спринтер. Взлетели из-под ног серые голуби. Перебежав через дорогу, Сашка кинулась, только ветер в ушах, к дому, к маме, в знакомый двор..

Двор оказался незнакомым. Сашка оглянулась — «павлиновые» деревья цвели, как всегда, и бордюр был размалеван мелками, но вход в подъезд был совсем другой, скамейка стояла не так. Может быть, это другой двор?!

Темный человек не бежал — он просто быстро шел, с каждым шагом приближаясь, кажется, на полтора метра. Сашка, обезумев от страха, кинулась в подъезд... этого ни в коем случае нельзя было делать, Сашка знала — но побежала все равно. Внизу хлопнула створка. Сашка бросилась по ступенькам вверх, но этажей было всего пять. Лестница заканчивалась тупиком запертых дверей. Сашка кинулась звонить в чью-то квартиру, звонок отдавался — ди-дон — внутри, но никто не открывал. Пусто.

Человек уже стоял рядом. Перегораживая лестницу. Перегораживая путь к отступлению.

— Это сон! — крикнула она первое, что пришло на ум. — Я хочу, чтобы это был сон!

И проснулась на раскладушке, вся в слезах, с отдаленным о подушку ухом.

* * *

— Приснится же такое...

Они вышли из дома, как обычно, около восьми. На углу купили йогурт. Сашка, будто ненароком, выманила маму на другую сторону улицы — противоположную той, где туристическое агентство.

И оказалась права. Темный человек стоял возле большого рекламного плаката с фотографией «Ласточкиного гнезда». Из-под непроницаемых очков следил за Сашкой.

— Я так больше не могу... Это какой-то психоз...

— Да что такое?

— Вон он опять стоит, смотрит...

Сашка не успела удержать маму. Та решительно свернула, и пересекла улицу, и подошла прямо к темному человеку, и о чем-то с ним заговорила; человек отвечал, не сводя глаз с Сашки. Хотя лицо его было повернуто к маме и губы шевелились естественно и даже приветливо... если бывают приветливые губы...

Мама вернулась, одновременно довольная и злая.

— Успокойся, это такой же отдыхающий, как ты. Не понимаю, чего тебе от него надо... Он из Нижневартовска. У него аллергия на солнце.

Сашка промолчала.

В обед, возвращаясь с моря, они зашли на базар, и Сашка сама внимательно проследила, чтобы не пропустить ни одной покупки. Явившись в пустую квартиру, по очереди приняли «душ» из ковшика с тазиком (воды, как обычно днем, не было) и взялись стирать...

Вот тут и оказалось, что кончилась соль.

* * *

Темный человек сидел на скамейке у выхода со двора. Сашка увидела его, едва выглянув из подъезда.

Вернулась обратно.

Рыжий кот с рваным ухом доедал сметану из кем-то оставленной плошки. Чавкал. Облизывался. Дико смотрел на Сашку желтым глазом и снова вылизывал посудину.

Сашка стояла, не зная, что делать. Возвращаться? Идти как ни в чем не бывало? Психоз...

В подъезде потемнело. Человек в синей кепке стоял у входа, закрывая свет.

— Александра...

Она дернулась, будто ее шандарахнуло током.

— Надо поговорить. Можно, конечно, так бегать до бесконечности, но в этом нет ни радости, ни смысла.

— Вы кто? Откуда меня знаете?

Она тут же вспомнила, что мама много раз называла ее по имени — на улице, на пляже. Ничего удивительного, что он знает ее имя. Захотел — и узнал.

— Давайте сядем на лавочке и поговорим.

— Я не собираюсь ни о чем с вами... Если вы не перестанете ходить за мной, я позову... я обращусь в милицию!

— Саша, я не убийца и не грабитель. У меня к вам серьезный разговор. Определяющий всю вашу жизнь. Лучше будет, если вы меня послушаете.

— Я не собираюсь. Уходите!

Она повернулась и кинулась вверх по лестнице. К черной дерматиновой двери с номером «двадцать пять».

На втором этаже все двери были рыжие. С тусклыми стеклянными табличками, и на них совсем другие номера. Сашка обомлела.

За спиной негромко звучали шаги. Темный человек поднимался по лестнице.

— Я хочу, чтобы это был сон! — крикнула Сашка.
И проснулась.

* * *

— Мама, какое сегодня число?

— Двадцать четвертое. А что?

— Но ведь вчера же было двадцать четвертое!

— Вчера — двадцать третье. Так всегда на отдыхе — числа путаются, дни недели забываются...

Они спустились во двор, в безветренное и белое, будто молоко, душистое утро. «Павлиновы» деревья стояли неподвижно, как две розовые горы с цветущими на них абрикосами. Веселая толпа пляжников текла вниз по Улице, Ведущей к Морю. Сашка шла, почти уверенная, что это снова сон.

У туристического киоска стояли, изучая маршруты и цены, молодые супруги. Их мальчишка — жвачка в зубах, колени в зеленке — примерял очки для подводного плавания. Темного человека не было нигде, но ощущение сна не проходило.

Они купили кукурузы. Сашка держала ее, теплую, пока мама вытаскивала из сарайчика и устанавливала на камнях прокатный шезлонг. Мягкий желтый початок пропитался солью, кукурузные зернышки, не успевшие огрубеть, таяли во рту. Огрызки сложили в полиэтиленовый кулек, и Сашка вынесла его к урне у входа на пляж.

Темный человек стоял далеко, в толпе. Смотрел на Сашку из-под непроницаемых очков.

— Я хочу, чтобы это был сон, — сказала Сашка вслух.

И проснулась на раскладушке.

* * *

— Мама, давай сегодня уедем.

Мама от удивления чуть не выронила тарелку:

— Как? Куда?!

— Домой.

— Ты же так рвалась... Тебе что, здесь не нравится?

— Я хочу домой.

Мама пощупала Сашкин лоб.

— Ты серьезно? Почему?

Сашка неопределенно пожала плечами.

— У нас билеты на второе число, — сказала мама. — Брала за месяц. И то достались боковые. И за квартиру у нас заплачено по второе. Саш, я не понимаю, ты же радовалась...

У нее было такое растерянное, такое огорченное и беспомощное лицо, что Сашке стало стыдно.

— Да ничего, — пробормотала себе под нос. — Это я так.

Они спустились во двор. «Павлиновые» деревья разливали запах над песочницей и скамейками, над чьими-то старыми «Жигулями». Вдоль по Улице, Ведущей к Морю, топали, как на демонстрацию, отдыхающие с надувными матрасами наперевес. И продолжалось спокойное, жаркое, размеренно-курортное утро двадцать четвертого июля.

У туристического киоска не было никого. Рядом, в кафе под чахлыми пальмами, компания ребят пила пиво и громко спорила, куда поехать. Все они были загорелые и длинноногие, и парни, и девушки. Все в шортах. Все с полупустыми рюкзаками на прямых спинах. Сашке захотелось уехать с ними. Нацепить рюкзачок, зашнуровать кроссовки и рвануть по пыльным дорогам Крыма — где автостопом, где пешком...

Они с мамой прошли мимо. Купили пирожков. Установили шезлонг, уселись на него боком с двух сторон. Море чуть-чуть волновалось, красный буюк подпрыгивал, в отдалении трещали моторами водные скутеры. Сашка жевала пирожок, не чувствуя вкуса. Может быть, все обойдется, темный человек больше не придет никогда, а завтра наступит наконец двадцать пятое?

После обеда мама прилегла вздремнуть. В комнате было душно, солнце, склоняясь на запад, пробивало навывлет закрытые шторы, когда-то зеленые, а теперь выгоревшие до грязно-салатного оттенка. Явились соседи, весело переговаривались на кухне, лили воду из бака и звенели посудой. Сашка сидела с книгой на коленях, смотрела на серые строчки и ничего не понимала.

Оглушительно тикал железный будильник на тумбочке. Отсчитывал секунды.

* * *

— Так все-таки поговорим, Саша?

Был вечер. Мама стояла, опершись о балюстраду, и живо беседовала с мужчиной лет сорока, светловолосым и белокожим, видно только что прибывшим на курорт. Мама улыбалась, и на щеках у нее появлялись

ямочки. Особенная улыбка. Сашке мама улыбалась по-другому...

Сашка ждала на скамейке под сенью акации. Между ней и художником, пристроившимся на другом конце скамейки, секунду назад уселся темный человек. Даже южные сумерки не заставили его расстаться с непрозрачными очками. Сашка чувствовала взгляд из-за черных стекол. Из полной темноты.

Можно было, наверное, позвать маму. Или просто крикнуть: «Помогите!» Или сказать себе — «это сон». И это будет сон. Бесконечный.

— Чего вы... чего вам от меня надо?!

— Я хочу дать вам поручение. Несложное. Я никогда не требую невозможного.

— Какое вы... при чем тут...

— А поручение такое: каждый день, в четыре утра, вы должны быть на пляже. Гольшом войти в воду, проплыть сто метров и коснуться буйка. В четыре утра на пляже никого нет, темно и некого стесняться.

Сашка сидела, будто прибитая мешком. Он сумасшедший? Или сумасшедшие они оба?

— А если я не буду? С какой это стати...

Черные очки висели перед ее лицом, как две дыры, ведущие в никуда.

— Вы будете, Саша. Вы будете. Потому что мир вокруг вас очень хрупкий. Каждый день люди падают, ломают кости, гибнут под колесами машин, тонут... Заболевают гепатитом и туберкулезом. Мне очень не хочется вам об этом говорить. Но в ваших интересах просто сделать все, о чем я вас прошу. Это несложно.

Мама у балюстрады смеялась. Обернулась, помахала рукой, что-то сказала собеседнику — видно, разговор у них зашел о ней, о Сашке.

— Вы маньяк? — спросила Сашка с надеждой.

Черные очки качнулись.

— Нет. Давайте сразу отбросим костыли: вы здоровы, я не маньяк. У вас есть выбор: до конца дней болтаться между страшным сном и кошмаром наяву. Или взять себя в руки, спокойно сделать то, о чем вас просят, и жить дальше. Вы можете сказать: «Это сон» — и снова проснуться. И наша встреча повторится опять — с вариациями... Только зачем?

По набережной прогуливались люди. Мама вдруг воскликнула: «Смотрите! Дельфины!» — и махнула рукой по направлению к морю, ее собеседник разразился серией удивленных междометий, прохожие остановились, высматривая что-то на синей простыне, и Сашка тоже разглядела далекие черные фигуры, похожие на опрокинутые скобки, которые то взлетали над морем, то снова исчезали.

— Так мы договорились, Саша?

Мама болтала, глядя на дельфинов, и собеседник внимал ей, кивая. Блестели зубы, горели мамины глаза, Сашка вдруг увидела, какая она молодая. И какая — в этот самый момент — счастливая...

— Завтра утром ваш первый рабочий вылет, — темный человек усмехнулся. — Только запомните: каждый день, в четыре утра. Поставьте будильник. Это очень важно для вас — не проспать и не опоздать. Постарайтесь. Хорошо?

* * *

Сашка лежала без сна. Ворочалась на раскладушке. Шторы были раздвинуты, окно открыто настежь, там, во дворе, пели соловьи и гремела в отдалении дискотека. Замолчала в половине второго.

Прошла по улице шумная компания. Стихли голоса. Проревели один за другим три мотоцикла. Сработала сигнализация у машины во дворе. Проснулась мама, поворочалась на диване, заснула опять.

В три часа Сашка начала задремывать. В полчетвертого подпрыгнула, будто ее толкнули. Вытащила из-под подушки будильник. Короткая черная стрелка — часовая — минут через десять должна была слиться с желтой стрелкой звонка.

Сашка придавила кнопку. Провернула желтую стрелку назад. Будильник тренькнул пружиной и обмяк.

Сашка встала. Надела купальник, натянула сарафан. Взяла ключи и тихонько, чтобы не разбудить маму, вышла из комнаты. Завернула на пустую кухню, прокрадлась на балкон, сняла с веревки пляжное, пахнущее морем, еще не просохшее полотенце. И так, с полотенцем в одной руке и ключами в другой, выбралась на лестницу.

Горела лампочка. Снизу поднимались, шикая друг на друга, соседи-влюбленные. Увидев Сашку, уставились на нее в четыре удивленных глаза:

— Что случилось-то?

— Ничего. — Сашку трясло, зуб на зуб не попадал. — Исккупаться хочу. На рассвете.

— Во молодец! — восхищенно признал парень.

Сашка дала им пройти. Быстрым шагом вышла из дома. Наверное, сейчас уже без пятнадцати четыре. Она опаздывала.

На пустой улице еще горели фонари. Сашка побежала — бежать вниз оказалось неожиданно легко, она согрелась и больше не тряслась. Темное небо светле-

ло. Рысью проскочив мимо решетки платного пляжа, Сашка выбежала на свой, привычный, совершенно безлюдный. Белели пластиковые стаканчики в куче мусора. Светились окна в ближайшем пансионате — пять или шесть окон на весь фасад. У входа в главный корпус висели часы. Показывали без трех минут четыре.

Сашка сбросила сарафан. Оступаясь на гальке, вошла в прибой. Стоя в воде по шею, расстегнула лифчик, свернула комком. Избавилась от плавок. И, держа купальник в правой руке, поплыла к буйку.

В мутном свете он казался не красным, а серым. Сашка хлопнула ладонью по железному боку. Бук ответил гулким эхом. Сашка оглянулась на берег — там не было никого. Ни одной души.

Она поплыла обратно. От холодной воды вернулся озноб. Едва нащупав ногами камни, встала, балансируя в волне, и поняла, что распутать мокрые тряпочки и веревочки, в которые превратился скомканный купальник, не может.

Тогда, всхлипнув, Сашка швырнула комок выгоревшей ткани на берег, на гальку. Встала на четвереньки и так, то на двух, то на четырех, рванула к полотенцу.

Завернулась в него и огляделась снова.

Никого. Ни души. Море играет брошенным купальником, и с каждой минутой становится все светлее. В парке поют соловьи.

Подобрав купальник, сарафан и босоножки, Сашка проковыляла к синей кабинке для переодевания. Растерлась полотенцем — и неожиданно обрадовалась. Расправила плечи. Кожа горела, наливаясь изнутри, как шкурка спелого яблока. Уже без спешки Сашка

оделась, обулась, нащупала ключи в кармане сарафана. Выкрутила купальник, вышла из кабинки и почти сразу согнулась пополам от рвотного спазма.

Упала на четвереньки, и ее вытошнило на гальку. Выплеснулась вода и вместе с ней — желтоватые кругляшки. Звякнули о камень. Сашка откашлялась, продышалась. Рвота ушла так же неожиданно, как началась. На гальке лежали три тусклые золотые денежки.

* * *

Дома, запершись в ванной, она рассмотрела монеты. Три одинаковых кругляша, на одной стороне незнакомый знак, состоящий из округлых переплетающихся линий. Не то лицо. Не то корона. Не то цветок; чем дольше Сашка смотрела — тем объемнее казался значок, будто выступал, приподнимался над плоскостью монеты.

Она протерла глаза. На реверсе имелся гладкий овал — не то О, не то ноль. Пробы, разумеется, не было, а Сашка не была особенным знатоком драгоценных металлов, но в том, что монеты золотые, почему-то сомнений не возникало.

По Улице, Ведущей к Морю, шли первые прохожие. Было около шести утра. Сашка легла на раскладушку, укрылась с головой одеялом и, зажав монеты в руке, снова задумалась.

Немного саднило горло. Тошноты больше не было. Можно, конечно, допустить, что Сашку вывернуло от вчерашней пахлавывы, а монеты просто лежали на гальке. А человек в темных очках — маньяк, сложным и странным образом добывающий возможность посмотреть на голую девушку. В полутьме. Рано утром.

Она плотно зажмурила воспаленные глаза. Нет. Нельзя допустить. Сашку вынесло, вымыло из привычного мира в нереальный. Если верить книжкам, это случается с людьми, и даже не очень редко.

Или это все-таки сон?

Она заснула неожиданно для себя. И когда проснулась — было обыкновенное позднее утро двадцать пятого июля. Мама явилась с кухни, вытирая руки полотенцем, поглядела на Сашку с беспокойством:

— Ты что, ходила куда-то?!

— Купалась.

— С ума сошла?

— Почему? — возразила Сашка хрипло. — Знаешь, как здорово? На рассвете. Никого нет...

— Это опасно, — сказала мама. — И почему ты меня не предупредила?

Сашка пожала плечами под одеялом.

— Нам надо идти, — сказала мама. — Уже почти девять. Пошли скорее на пляж.

Сашка прерывисто вздохнула.

— Ма... а можно, я... полежу пока? Я плохо спала вообще-то.

— Ты не заболела? — Мама привычно положила ладонь на Сашкин лоб. — Нет, температуры нет... Доиграешься с этими ночными купаниями, весь отдых будет испорчен.

Сашка не ответила. Сжала в кулаке монеты, так что они впились в ладонь.

— Я там яйца сварила, — сказала мама озабоченно. — Возьми майонез в холодильнике... Эти красавцы, соседи, полбаночки нашего майонеза уже схрупали, ну ладно, на здоровье, как говорится.

Она продолжала вытирать полотенцем сухие руки.

— Я договорилась на пляже встретиться с Валентином, неудобно, знаешь, не появиться, я вчера обещала, что мы придем...

Сашка вспомнила вчерашний день. Валентином звали маминого собеседника, светловолосого и белокожего, который так живо наблюдал за далеким парадом дельфинов. Помнится, мама представила ее своему новому знакомому: «Это — Александра». Какая-то особенная значительность была в мамином голосе, но Сашка тогда не обратила внимания. Темный человек поднялся со скамейки и ушел, оставив поручение — и страх. Сашке было холодно посреди теплого, даже душного вечера. Сладко пахли цветы на клумбе... У Валентина был приятный одеколон, тонкий и терпкий. Сашка помнила запах, но не помнила лица.

— Ну иди, — Сашка подтянула одеяло. — Я немного поваляюсь... и тоже к вам приду.

— Будем на прежнем месте, — быстро сказала мама. — Яйца на столе... Ну, я пошла.

И, подхватив уже собранную сумку, поспешила к двери. На пороге обернулась:

— Будешь идти, купальник не забудь! Он на балконе сохнет...

И вышла.

* * *

Когда Сашка проснулась во второй раз, железный будильник показывал половину двенадцатого. На пляже в это время жара, толпа и море кипит от купающихся тел, будто суп с клецками. Поздно идти на море... или рано. Как посмотреть. Вот часика в четыре...

Она поразилась таким простым, таким будничным мыслям. Поднесла к глазам ладонь с монетами. Пока она спала, ладонь не разжималась — кругляши отпечатались на влажной коже. Сашка осторожно переложила их из правой руки в левую.

Что с ними делать? Сохранить, выбросить?

Звонок в дверь заставил ее дернуться. Одна монета соскользнула с ладони и укатилась под раскладушку. Нервною, Сашка нащупала ее на пыльном ковре, набросила мамин ситцевый халат, вышла в темную прихожую.

— Кто там?

Теоретически это могла быть мама. Или, к примеру, почтальон. Или...

— Это я. Открывайте.

Сашка отпрянула.

Во всей квартире пусто — соседи на пляже. Дверь заперта... тонкая дверь из прессованных опилок, обитых дерматином.

Монеты прилипли к мокрой ладони. Удерживая их в кулаке, Сашка одной рукой отперла дверь — получилось не сразу.

— Добренький денечек. — Человек в непроницаемых очках шагнул через порог. — Я ненадолго. Идемте на кухню.

И прошел по коридору сам, первый, будто много раз бывал в этой квартире, будто был ее хозяином. Впрочем, дом-то типовой, типовой некуда...

Сашка пошла за ним как привязанная.

— Сядьте. — Человек выставил табурет на середину кухни. Сашка села — у нее подкосились ноги. Темный человек уселся напротив. — Монеты?

Сашка разжала кулак. Три золотых кругляшка лежали на красной ладони — влажные, в капельках пота.

— Очень хорошо. Оставьте себе. Сохраните, пожалуйста, все до одной. Все, которые будут. Не надо мучиться с купальником — входить в воду нужно голышом, не страшно, никто не смотрит. Продолжаем купаться без пропусков и опозданий. Завтра. Послезавтра. Через два дня.

— Я второго числа уезжаю, — сказала Сашка и сама поразилась, как тонко и жалобно прозвучал ее голос. — Я... у меня билеты на поезд. Я ведь не здесь живу, я...

Она была совершенно уверена, что темный гость велит ей поселиться в поселке на веки вечные и входить в воду в четыре утра и в январе, и в феврале, и до самой старости.

— Я же сказал, что не потребую ничего невозможного, — он медленно растянул губы, и Сашка с удивлением поняла, что он усмехается. — Второго числа на рассвете искупаетесь. А после завтрака уедете.

— Можно?!

— Можно. — Человек поднялся. — Не проспите. И зашагал к двери.

— А зачем это вам надо? — шепотом спросила Сашка. Но ответа не услышала.

* * *

— Ты куда? — Мама приподнялась на локте.

— Купаться.

— С ума сошла? А ну ложись сейчас же!

Сашка перевела дыхание:

— Ма, мне очень нужно. Я закаляю волю.

— Чего?

— Ну, закаляю волю. Тренирую. По утрам... Прости, я опаздываю.

Задыхаясь, она выбежала на пляж. Нервно оглянулась — ни души, даже окна пансионата не светятся. Сбросила сарафан, комкая, стянула белье, кинулась в воду и поплыла кролем, будто пытаясь вырваться из собственной кожи.

Не хватало дыхания. Сашка перешла на «пляжный брасс», сильно загребая ногами, высоко подняв подбородок.

Плыть было приятно. Раньше она никогда не купалась голышом и не предполагала, что это так здорово. Холодная вода покалывала иголочками, согревала и согревалась. Сашка двумя руками ухватилась за буюк и замерла, покачиваясь, невидимая с берега.

А может быть, обратно не возвращаться? Рвануть дальше, через все море, в Турцию...

Она перевернулась на спину и, лениво взмахивая руками, поплыла к берегу. Редкие утренние звезды растворялись медленно, как крупички сахара в холодной воде.

Сашка растерлась полотенцем и оделась в кабинке. Вышла, прислушалась к себе — ничего не происходило. Она зашагала к выходу из пляжа; ее скрутило напротив сарайчика с лежаками, запертого на висячий замок. Закашлявшись и схватившись за горло, Сашка извергла из себя четыре золотые монеты.

* * *

На третье утро купаний ее вырвало уже в квартире, в ванной. Монеты звякнули о чугун. Сашка трясущимися руками собрала их, рассмотрела — точно такие же, с округлым «объемным» значком. Достоинством

в ноль копеек... Она криво улыбнулась своему отражению в зеркале. Спрятала монеты в карман халата. Умылась и вышла.

Мама накручивала волосы на бигуди. Смысла в этом не было: все равно в воде завивка разойдется, но теперь мама тратила кучу времени на бигуди, на макияж, на выглаживание юбок и теннисок.

— Ты не против, если мы с Валентином завтра вечером заведемся в кафе? Вдвоем?

Мама задавала вопрос, старательно отводя глаза.

— Ты можешь сходить в кино... Что там идет, в кинотеатре на набережной?

— Не знаю, — Сашка перебирала монеты в кармане. — Идите. Я дома почитаю.

— Вот как быть с ключами? — Сашкина покладистость явно обрадовала маму, у нее будто гора с плеч свалилась. — Если я вернусь поздно... Не хотелось бы тебя будить... Но если забирать ключи — вдруг ты захочешь прогуляться?

— Бери ключи. Я почитаю, — повторила Сашка.

— Но свежий воздух...

— Я сяду на балконе. Возьму настольную лампу.

— Хоть завтра, может быть, ты захочешь на дискотеку?

— Нет.

Днем Валентин повел их обедать в ресторан. Был он приличный дядька, остроумный, обаятельный; Сашка смотрела, как радуется мама, и мысленно считала дни: сегодня двадцать седьмое. Осталось пять дней... Вернее, четыре, на пятый мы уезжаем. И все кончится. Я все забуду. Еще пять раз...

Она искупалась на следующее утро и на следующее, а потом проспала.

* * *

Проснулась от солнца. Солнце било в незакрытое окно, мамина постель была пуста, будильник, вывернувшись из-под подушки, лежал не ковре.

Не веря себе, Сашка взяла его в руки. Желтая стрелка на половине четвертого... Пружина спущена... Почему он не зазвонил?!

— Мама! Ты трогала будильник?!

Мама, добродушная, свежая после душа, принесла в комнату кофе на подносе.

— Не трогала... Он упал, я его не поднимала... Еще хозяйка придерется... Не переживай, ты не выспалась в последние дни, надо же выспаться на отдыхе... Да что с тобой?

Сашка сидела на краю раскладушки, опустив плечи и четко осознавая, что случилось ужасное. Непонятное, необъяснимое, неизвестно чем грозящее — и оттого страшное втройне.

* * *

Темный человек стоял у туристического бюро. Разглядывал фотографию «Ласточкиного гнезда». Сашка замедлила шаг. Мама обернулась.

— Ты иди, — сказала Сашка. — Я догоню.

В другой ситуации мама, наверное, взялась бы возражать и расспрашивать. Но Валентин, наверное, уже взял напрокат шезлонги; мама кивнула, сказала: «Не задерживайся» — и зашагала вниз, к пляжу.

Под утренним солнцем размякал асфальт. Покрышки легковушек и грузовиков отпечатывались в лужице

черного машинного масла, оставляли на проезжей части фигурные следы.

— У меня будильник не зазвонил, — сказала Сашка, сама не понимая, за что извиняется и перед кем. — Он упал...

Сквозь черные очки не было видно глаз. И в стеклах не отражалось ничего. Как будто они были бархатные. Темный человек молчал.

— У меня будильник не зазвонил!

Сашка вдруг разревелась прямо на улице. От страха, от неизвестности, от нервного напряжения последних дней. Прохожие поворачивали головы, смотрели на рыдающую девушку. Сашке казалось, что она нырнула глубоко в море и сквозь толщу воды видит белесые лица глубоководных рыб.

— Очень плохо, но не ужасно, — наконец сказал человек в черных очках. — В конце концов, даже полезно — научит тебя дисциплине. Второй такой промах обойдется дороже, и не говори, что я не предупреждал.

Он повернулся и пошел прочь, оставив Сашку реветь возле киоска и мотать головой на участливые вопросы прохожих. Забившись на парковую аллею, почти пустую в этот час, и нащупав на дне сумки носовой платок, она наконец-то смогла подобрать сопли, но успокоиться так и не сумела.

Ее собственные темные очки, прошлогодние, с тонкими дужками, скрыли красноту глаз и опухшие веки. Надвинув кепку низко на лоб, Сашка шагала вниз по улице, не глядя на людей, не поднимая глаз. Впереди семенила девочка лет четырех, топала красными сандаликами, держалась за руку матери...

У въезда на пляж стояла «Скорая». Сашка остановилась, влипнув подошвами в мягкий асфальт.

И почти сразу увидела маму. Мама ковыляла по гальке, накинув на плечи полотенце, рядом с носилками, на которых лежал очень бледный человек, в котором трудно было узнать веселого жизнелюба Валентина.

Сашка села на балюстраду.

Носилки погрузили в машину. Врач что-то отрывисто сказал маме, та закивала и что-то спросила. Врач помотал головой и влез в кабину. Машина, просигналив на толпу, отъехала, развернулась на пяточке перед пансионатом, двинулась вверх по Улице, Ведущей к Морю...

«Очень плохо, но не ужасно».

— Что с ним, мама?

Мама обернулась. В глазах ее были горе и паника.

— Больница номер шесть, — проговорила она, как заклинание. — Я сейчас... только переоденусь, и надо ехать... Это инфаркт, Санечка, это инфаркт... Боже мой, боже мой...

И, как слепая, двинулась сквозь толпу заинтригованных пляжников.

* * *

Мама ночевала в городской больнице. Почти все наличные деньги ушли врачам и медсестрам, и мама с почты позвонила сотруднице, чтобы та прислала еще перевод. Сашка провела ночь одна в комнате, без сна. На будильник надежды не было.

В три часа она вышла из дома. Где-то догуливали дискотеки, где-то светились огни кафе. Сашка спустилась к темному морю и села у воды прямо на гальку.

Далеко, почти у самого горизонта, шел теплоход. В палисадниках за Сашкиной спиной визжали цикады. Море полизывало пляж, стягивало с берега мелкие камушки и возвращало снова, шлифовало, натирая друг о друга. У моря было время. И терпения морю не занимать.

Без пятнадцати четыре Сашка стащила с себя одежду и вошла в воду, содрогаясь от холода. Поплыла, то и дело оборачивалась, будто ожидая, что вот-вот из воды поднимет голову неведомое чудовище в темных очках.

Хлопнула по буйку. Посмотрела на небо; там начинался рассвет. Посмотрела под воду — туда уходил еле различимый железный трос якоря.

Вернулась на берег и, едва успев набросить на плечи полотенце, зашла в приступе рвоты. Пять монет вылетели одна за другой, оставив резь в горле и затихающие судороги в желудке. Раскатились на гальке, прячась в щели между камнями.

* * *

Мама вернулась после полудня, очень усталая и очень сосредоточенная. Валентину стало лучше — инфаркта все-таки не было, помощь подоспела вовремя, а потому никакой опасности пациенту больше не угрожало.

— Все будет хорошо, — повторила мама отрешенно. — Спать я хочу, Сашка, умираю просто... Если хочешь — иди на пляж сама. Я посплю.

— Как он там? — спросила Сашка. — Может, телеграмму каким-нибудь родственникам...

— Уже прилетели родственники, — все так же от-
решенно сообщила мама. — Жена к нему прилетела
из Москвы. Все будет хорошо... Ну, иди.

Сашка сняла купальник с веревки на балконе и вы-
шла из дома. Идти на пляж ей не хотелось, и она от-
правилась бродить по парку, скудному, пыльному, но
все-таки дававшему тень.

«Очень плохо, но не ужасно». Страх, потрясение,
испорченный отдых... Но, с другой стороны, кто та-
кой Валентин? Еще неделю назад — случайный мамин
знакомый. Конечно, мама так радовалась, но ведь их
отношения с самого начала были обречены. Пляжный
роман...

Сашка села на скамейку. Узкая аллея была усыпана
черными стручками акаций. Горечь и обида за маму
разъедали, как кислота. Курортный роман, какая по-
шлость, да на что он рассчитывал... И зачем ему мучить
приличную женщину, познакомился бы с девицей, ка-
ких полно здесь, сережка в пупке, и джинсы обрезаны
выше попы...

Лучше бы он умер, подумала Сашка мрачно.

«Очень плохо, но не ужасно». А Сашка ведь пове-
рила, что беда случится с мамой. Таким осязаемым
было предчувствие. Страх... С тех пор как она впер-
вые увидела человека в темных очках, страх держит
ее в горсти, как она сама держит монеты. Чуть отпу-
стит — и сожмет... «Это научит тебя дисциплине». Да
уж, научило. Теперь она безо всякого будильника будет
вставать в полчетвертого. Или вообще не будет спать.
Потому что был тот момент, была «Скорая» у вхо-
да на пляж, было чувство, что все пропало на свете,
все-все-все...

Она перевела дыхание. Завтра утром она доплывет до буйка, и послезавтра, перед отъездом, тоже. А потом вернется в город и все забудет. Школа, будни, выпускной класс, репетиторы, поступление...

Она сидела на скамейке, разглядывая пригоршню монет на ладони. Двадцать девять штук — с одинаковым круглым знаком, с цифрой «ноль». Тяжелые и маленькие — диаметром как старые советские копейки.

* * *

В поезде монеты рассыпались.

Сашка лежала на верхней боковой полке и смотрела в окно напротив. Карман джинсовых шортов оказался растегнутым, монеты высыпались и раскатились с веселым стуком чуть не по всему плацкартному вагону. Сашка слетела с полки в одно мгновение.

— Ой! — сказала маленькая девочка, соседка из купе напротив. — Денежки!

Сашка, присев на корточки, собирала золотые кругляшки, выковыривала из-под чьих-то чемоданов, чуть не сбила с ног проводницу, разносившую чай.

— Поосторожнее, девушка!

Девочка подняла монетку и теперь с интересом разглядывала.

— Мама, это золото?

— Нет, — сказала ее мать, не отрываясь от книги. — Это такой сплав... Отдай.

Сашка уже стояла рядом с протянутой рукой. Девочка с неохотой вернула игрушку. Отвернувшись к окну, Сашка пересчитала монеты; их должно было быть тридцать семь, но насчитывалось тридцать шесть.

— Простите, вы монетку не видели?

В соседних купе покачали головами. Сашка метнулась по вагону — вперед-назад, снова чуть не врезалась в проводницу; на крайнем боковом месте, у выхода в тамбур, мужчина в сине-красном спортивном костюме задумчиво рассматривал округлый знак на аверсе. Если на него долго смотреть — он кажется объемным.

— Это моя. — Сашка протянула руку. — Я уронила.

Мужчина поднял голову. Глянул на Сашку оценивающе. Снова посмотрел на монету:

— Что это?

— Сувенир. Отдайте, пожалуйста.

— Интересно, — мужчина не торопился выполнять ее просьбу. — Где взяла?

— Подарили.

Мужчина хмыкнул.

— Слушай, я ее куплю у тебя. Десять долларов хватит?

— Нет. Она не продается.

— Двадцать долларов?

Сашка нервничала. К разговору прислушивалась женщина, сидевшая на соседнем боковом месте, за столиком напротив.

— Это моя монета, — сказала Сашка твердо. — Отдайте ее мне, пожалуйста.

— Был у меня знакомый, — мужчина перевел взгляд с Сашки на монету и обратно. — Черный археолог, двадцать лет ему. Тоже все копался в Крыму в каких-то ямах... Зарабатывал, помню. А потом его зарезали. Куда-то он сунулся, понимаешь, куда не следовало.

— Я ни в каких ямах не копалась, — Сашка смотрела на его ладонь. — Это мне подарили. Это мое.

Их взгляды встретились. Мужчина хотел что-то сказать, по-прежнему неторопливо и снисходительно, но осекся. Сашка готова была в этот момент драться за монету, кричать, рыдать, скандалить, царапать ему лицо; наверное, эта ее готовность прочиталась во взгляде.

— Как хочешь.

Золотая кругляшка упала в протянутую Сашкину ладонь. Сашка судорожно сжала пальцы и так, задержав дыхание, вернулась в маме.

Та сидела на своем месте, безучастно глядя в окно и ничего вокруг не замечая.

* * *

Осень наступила в октябре, сразу и надолго. Красные кленовые листья прилипли к мокрому асфальту, как плоские морские звезды. Сашка жила между школой и курсами при университете: задавали очень много — конспекты, сочинения, контрольные. Ни на что другое не оставалось времени, занятыми оказались даже воскресенья, и это Сашку устраивало. Она обнаружила, что перегруженный работой мозг наотрез отказывается верить в таинственных незнакомцев с их заданиями, в золотые монеты, являющиеся на свет из желудка. Даже море, доброе летнее море с красным буйком на волнах, казалось нереальным, а уже все связанное с ним — и подавно.

И мама ожила. С окончанием лета закончилась и депрессия, тем более что работы в их конторе было, как всегда, невпроворот. Обе они, запертые в ежедневной круговерти, запретили себе думать о несбыточном —

каждая о своем. И до поры до времени это замечательно удавалось.

Потом пришло письмо из Москвы. Мама вытащила его из почтового ящика, долго вертела в руках, прежде чем открыть, потом все-таки распечатала и прочитала.

— Валик развелся с женой, — сказала, обращаясь к включенному телевизору.

— Ну и что? — грубовато спросила Сашка.

Мама сложила письмо обратно в конверт и ушла к себе в комнату. Сашка выключила телевизор и засела за учебник, по десять раз перечитывала параграф по истории — и не понимала ни слова. Поляне, древяне... Их проходили-то, кажется, в пятом классе, а вот поди ж ты — в программе есть...

А может быть, все обойдется? Мало ли какие отношения бывают у людей. Конечно, плохо, что он развелся с женой... И еще хуже, что пишет об этом...

Зазвонил телефон. Пытаясь думать о полянах и древянах, Сашка взяла трубку.

— Алло?

— Добрый вечер, Саша. Это я.

Светила настольная лампа. Лил дождь за окном. Лежал раскрытый учебник. И все такое реальное, будничное. И — этот голос в трубке.

— Нет, — тихо сказала Сашка. — Вас...

У нее чуть было не вырвалось «Вас не бывает». Но она прикусила язык.

— Сколько монет?

— Тридцать семь.

— А сколько было?

— И было тридцать семь. Честное слово.

— Я жду внизу возле подъезда. Спустись на минутку.

И — короткие гудки в трубке.

Монеты хранились в старом кошельке, в глубине ящика стола за стопкой книг и конспектов. Сашка открыла старую железную «молнию», высыпала содержимое на стол. Обмирая, пересчитала. По-прежнему тридцать семь.

Она положила кошелек в карман плаща. Сунула босые ноги в сапоги. Набросила плащ прямо поверх халата. Взяла зонтик, не успевший просохнуть. Сняла с вешалки ключи.

Дверь в мамину комнату оставалась закрытой.

— Я сейчас, — сказала Сашка в пространство. — Я... за почтой схожу.

Спустилась вниз по лестнице, не дожидаясь лифта. Сосед с пятого этажа входил в подъезд, весь мокрый, с огромной мокрой собакой на поводке.

— Здравствуйте, — сказала Сашка.

Сосед кивнул. Собака тряхнула мокрой гривой, рассыпая брызги.

Сашка вышла под дождь. Было уже темно, светились окна в соседних домах, кленовые листья лежали на черном глянцевом асфальте, будто цветные заплатки.

На мокрой скамейке сидел человек в темно-синем, как у Сашки, блестящем от дождя плаще. Черные очки он сменил на дымчатые, но темнота осеннего вечера делала их совершенно непроницаемыми.

— Привет, Саша. Испугалась?

Она не ждала такой ироничной, приятельской интонации. Сглотнула. Холодный ветер, пробравшись под наспех наброшенную одежду, лизнул голые колени.

— Давай деньги.

Она протянула ему монеты вместе с кошельком. Он взвесил мешочек на ладони, кивнул, спрятал.

— Хорошо. У меня есть для тебя задание.

Сашка разинула рот.

— Простое задание. Очень простое. Каждое утро, в пять утра, ты должна выходить в парк на пробежку. Беги, сколько сможешь — два круга по аллеям, три круга. Когда набегаешься, заберись в кусты погуще и помочись на землю. Лучше заранее выпить воды, чтобы не столкнуться с неожиданной проблемой... Только без пропусков. Каждое утро, в пять.

— Зачем? — шепотом спросила Сашка. — Зачем вам это надо?

Дождь катился по ее щекам, смешиваясь со слезами. Темный человек не ответил. На стеклах его очков лежали капли, отражали далекий свет фонарей, казалось, что глаза у незнакомца фасеточные.

— Раз в месяц тебе предоставляется отпуск на регулярные женские дни. Четыре дня... четырех дней хватит?

Сашка молчала.

— Следи за будильником. Если пропустишь или опоздаешь хоть раз, будет очень плохо. Последовательность действий нельзя нарушать: планируй заранее, пей воду.

— всю жизнь? — вырвалось у Сашки.

— Что?

— Мне так... делать... бегать... всю жизнь?

— Нет, — кажется, человек удивился. — Я скажу, когда хватит. Ну, иди в дом, ты же замерзла.

Сашку трясло.

— Иди-иди, — сказал ее собеседник мягче. — Все будет хорошо... если ты, конечно, проявишь себя дисциплинированным человеком.

* * *

У входа в парк горел единственный фонарь. Под чугунным столбом, на котором когда-то висели часы, маячил старик-собачник — первый и единственный в это время прохожий. Посмотрел на Сашку равнодушно.

Она бежала сквозь льющую с неба воду. В центре парка была круглая клумба, дорожки вились вокруг нее кольцами, Сашка побежала по самой короткой. Не разбирая дороги, то и дело влетала в лужи: холодная вода взмывала из-под кроссовок, окатывала спортивные штаны до колен и выше. Сашка бежала, стиснув зубы. В животе у нее булькало почти так же, как под ногами: без малого литр воды был выпит перед выходом из дома. Сашка едва терпела. Один круг... Второй.

Она замедлила шаг. Остановилась. Во всем парке не было ни души. Сквозь наполовину голые ветки отсвечивал далекий фонарь. Ступая по мокрым листьям, Сашка забралась в кусты, осыпавшие ее градом капель, и, проклиная все на свете, исполнила последнюю часть ритуала. Горько сравнила себя с собакой, которую вывели на прогулку.

Поход в кусты принес ей облегчение — закономерное, учитывая количество жидкости, которое Сашка ухитрилась в себя влить. Отчаяние улеглось, и даже слезы высохли. В половине шестого утра она отпер-

ла дверь квартиры своим ключом, в мокрых носках прокралась в ванную, спрятала костюм и раскисшие кроссовки в тайник под раковиной и встала под горячий душ.

Через минуту ее стошнило. Монеты вылетели на дно ванны, желтые кругляшки на белой эмали. Сашка умылась, перевела дыхание, собрала их на ладонь. Четыре монетки, с округлым знаком на аверсе и нулем на реверсе. С виду очень старые, как будто пролежали годы и годы в запертых сундуках, в неведомых кладках...

Через пятнадцать минут Сашка заснула в своей кровати, крепко и безмятежно, как давно не спала. И, когда через час с небольшим мама пришла будить ее в школу, сказалась больной и не стала подниматься.

* * *

...Да и зачем ей ходить в школу?

Днем позвонила репетиторша. Сашка соврала, что заболела. Репетиторша строго попросила впредь предупреждать заранее.

Вечером планировались курсы в универе. Сашка не пошла. Лежала, забросив учебники, и думала.

Зачем все?

Мир устроен совсем не так, как она думала раньше. Видимая связь событий — закономерности, случайности, события и будни — не более чем ширма для другой жизни, невидимой и необъяснимой. Если существует на свете — действительно существует — человек в темных очках, если в его руках сон, явь, несчастные случаи... Зачем тогда ходить в школу, зачем поступать в институт? Если в один момент все мо-

жет исчезнуть, разрушиться только потому, что у нее, у Сашки, не зазвонит вовремя будильник?

Вернулась с работы мама. Обеспокоенно о чем-то расспрашивала, мерила Сашке температуру, качала головой.

— Переучилась? Рановато, октябрь на дворе, учебный год только начинается. Я же говорила тебе: пойди погуляй в воскресенье! Сходи в кино... Позвони одноклассницам, с кем-то ведь ты общаешься?

— Не волнуйся, — отвечала Сашка механически, как магнитофон. — Все будет хорошо.

И добавляла про себя: «Если я, конечно, проявлю себя дисциплинированным человеком».

Вечером она завела три будильника: свой, мамин электронный и еще один, старый, еще бабушкин. Целую ночь то засыпала, то просыпалась в холодном поту, смотрела на циферблаты — час ночи, без четверти два, полтретьего...

В половине пятого она испытала почти радость от того, что можно уже вставать.

* * *

В ноябре погода вдруг исправилась. Вернулось неожиданное, условно-осеннее, но вполне ощутимое тепло. Каждый день выходило солнце — пусть ненадолго, зато от души. Листья высохли и шуршали под ногами. И пахли свежо и терпко, печально, но не без надежды.

Сашка просыпалась в половине пятого — за минуту до переключки будильников. Обезвреживала их один за другим, как мины. Натягивала теплый костюм, надевала куртку и шла в парк; за месяц пробежек она

изучила дорогу в мельчайших деталях. Она знала, где выщерблен асфальт, где обычно собираются лужи, где склон, где ровное место. Бегая по сухим аллеям, прыгая через кучи листьев, собранных дворниками, она успевала мысленно повторить английские диалоги и тексты, составить план на день или молча спеть песню, услышанную вчера по радио. Наматывая третий, четвертый круг вокруг клумбы, она знала наверняка, что ничего плохого ни с ней, ни с мамой сегодня не случится. В этом была горькая, отрешенная, осенняя радость.

«Отпускные» дни, проведенные без пробежек, неожиданно оказались самыми тяжелыми за последние недели. Сашка все равно просыпалась в половине пятого, лежала без сна до семи, слушала, как оживает дом, как грохочет баками мусоровоз, как работает лифт и переругиваются под окнами дворники. Ритуал был нарушен; Сашке казалось, что ее судьба натягивается, как нитка, трескается, высыхает и может вот-вот порваться. С каждым днем все более нервная, она едва дождалась того утра, когда можно было натянуть кроссовки и выйти, оставляя следы на заиндевевшей траве, в ноябрьское утро.

Потом приехал Валентин.

Сашка вернулась из школы — на минуту, забросить сумку, перекусить и бежать к репетиторше. Незнакомый человек сидел на скамейке у подъезда. Сашка сначала поздоровалась (на всякий случай она всегда здоровалась со всеми, кто здесь сидел) и только потом узнала белокожего, еще больше похудевшего знакомого.

— Привет, — сказал Валентин. — Я смотрю, у вас никого нет дома...

— Мама будет к шести, — сказала растерянная Сашка. — А я... это...

— Я подожду.

Было половина третьего. Сашка мельком глянула на часы. Потом на Валентина.

Надежды, что он уйдет, не было никакой. Надежды, что мама его прогонит... тоже, честно говоря, не было. Да и кто Сашка такая, чтобы решать мамину судьбу на свое усмотрение?

— Ей можно позвонить на работу, — сказала сухо. И добавила запоздало: — Как здоровье?

* * *

Она проснулась в двадцать девять минут пятого. Выключила будильники. Прошлепала на кухню, выпила чая из термоса. Оделась. Вышла в коридор, заперла дверь.

Вчера вечером мама и Валентин сидели на кухне, о чем-то еле слышно переговариваясь. Сашка легла рано (теперь она всегда ложилась рано, сбивал с ног недосып), сунула голову под подушку, чтобы не слышать ни слова, даже случайно, зажмурила глаза и приготовилась провалиться в сон. Но сон не приходил. Сашка думала о жизни как о коллекции одинаковых дней. Бытие состоит из дней, и каждый из них — как закольцованная лента, как велосипедная цепь, ровно бегущая по шестеренкам. Щелк — переключили скорость, дни стали немножко другими, но снова текут, снова повторяются, и в этой монотонности и заключается смысл...

Наверное, она засыпала. Никогда прежде такие мысли — наяву — к ней не приходили.

Давным-давно, когда Сашка была маленькой, ей хотелось найти себе папу. Не того, который ушел и живет где-то там, ни о чем не заботясь. Настоящего, который поселился бы с ними в одной квартире. Сашка беззастенчиво «сватала» маму за всех более-менее симпатичных дяденек, и «жизнь при папе» представлялась ей сплошным праздником.

С тех пор прошли годы. У Сашки ныло сердце, когда она думала о маме и Валентине. Он обманул ее один раз — может обманывать и дальше. Мама это понимает. Но все равно говорит с ним на кухне за чашкой остывшего чая, они сидят, почти соприкасаясь головами, и говорят, хотя миновала уже полночь...

Ночью был мороз. Лужицы поблескивали; сквозь теплые носки, сквозь подошвы кроссовок Сашка чувствовала, какой холодной сделалась земля. Бежалось легко — давали себя знать каждодневные тренировки. У входа в парк горел один фонарь, маячил старик-собачник, Сашка кивнула ему, как давнему знакомому...

В парке кто-то был. Стоял на дорожке, переминаясь с ноги на ногу — в спортивном костюме и ветровке, в кроссовках, как и Сашка. Ей пришлось подойти почти вплотную, чтобы узнать его.

Это был Конь. Ванька Конев, ее одноклассник.

— Привет. Побежали?

Сашка ничего не сказала. Конь пристроился рядом, почти дотрагиваясь рукавом до ее рукава. Когда ткань их курток все-таки соприкасалась, получался резкий шелестящий звук: вжик-вжик.

Сашка бежала, привычно огибая лужи. Иван два раза поскользнулся, один раз проломил тонкий лед и вляпался в воду. Но не отставал.

— Ты каждый день бегаешь? — спросил, задыхаясь, на бегу. — У меня дед, ну, у него бессонница, он собаку выгуливает, говорит: девчонка из вашего класса каждый день гоняет как сумасшедшая в пять утра... Ой!

Он споткнулся о выступающий корень и чуть не упал.

— Ты спортом занялась? Что-то я не замечал за тобой... Или волю тренируешь?

— Тренирую.

— Я так и подумал почему-то... — Они пробежали всего два круга, но Иван уже запыхался.

— А ты? — соизволила спросить Сашка. — Ты что тренируешь?

— Тоже волю, — серьезно ответил Конь. — Лежал бы сейчас в постельке, дрыхнул бы...

Он замедлил шаг.

— Может, хватит?

Сашка остановилась.

Небо было усыпано звездами, яркими, как подсвеченные прожектором стразы. Иван раскраснелся, тяжело дышал, смотрел нахально и весело.

— Странная ты, Самохина. Вещь в себе. Человек в футляре. Теперь еще бегаешь. Дед говорит — каждый день, в пять утра... Может, ты закодированная принцесса?

Он говорил, чуть усмехаясь, нервничал и боялся показаться смешным. Он сам был «вещь в себе», мальчик, нацеленный на успех. Победитель олимпиад и пожиратель фантастики, скуластый, с темными выющимися волосами, в рубашках, всегда тщательно выглаженных матерью и сестрой, щеголь, в шестнадцать лет умеющий повязывать галстук тремя способами...

Сашка смотрела на него и думала только об одном: сейчас ей надо пойти в кусты. Немедленно. Иначе ритуал будет нарушен, да и до дома она, если честно, уже не дойдет.

— Конь, подожди меня у входа.

Он не понял. Продолжал говорить, лукаво улыбаясь в полумраке, нес ерунду про закодированную принцессу и о том, что ее необходимо раскодировать.

— Конь, иди и подожди меня! Я сейчас приду!

Он не понимал. Идиот. Самодовольный болтун. Время шло, пробежка закончилась, но ритуал не был завершен.

— Мне надо в кустики! — выкрикнула Сашка. — Пописать мне надо, понял?

Когда Сашка вышла из парка, у входа никого не было. Ни старичка с собакой, ни Конева. Только щепочки следов тянулись по заиндевелой траве.

* * *

Валентин уехал. Сашка понадеялась — навсегда, но не тут-то было. Новый год они встречали втроем — в семейной атмосфере, с шампанским, с елочкой, которую мама наряжала сама и Сашку даже не подпускала.

Всю ночь во дворе бахали петарды. В половине пятого утра, когда мама и Валентин все еще смотрели по тридесятому местному каналу «Иронию судьбы», Сашка надела сапоги (бегать по снегу в кроссовках она не решалась) и намотала шарф поверх куртки.

— Ты все-таки идешь? — спросил из комнаты Валентин. — Ну и характер у тебя, Александра, завидую...

Сашка вышла, ничего не ответив. Снег перед домом был усыпан конфетти, кое-где из подтаявшего снега торчали огарки бенгальских огней. Сашка пустилась рысцой.

Светились окна. Бродили веселые пьяные компании. В парке в сугробах валялись бутылки из-под шампанского. Сашка бежала, слушая, как похрустывает снег, чувствуя, как морозом прихватывает влажные ноздри, глядя, как тает в воздухе облачко дыхания. «Ну и характер у тебя, Александра, завидую». Тут у кого хочешь выработается характер. И хотя неочевидна и недоказуема связь между Сашкиным утренним сном и предынфарктным состоянием у чужого, в общем-то, человека... Хотя уже на тот момент — не чужого, нет... Что-то случилось с мамой, что-то изменилось, она еще молодая, но ведь она не будет вечно молодой...

Так вот. Хоть и недоказуема такая связь — она есть, Сашка точно знает и обмануться не имеет права. Вот и замкнулся первый круг.

Сашка бежала теперь уже по своим следам. Старалась попадать ровненько, след в след. Сперва неосознанно. А потом — с интересом. По кругу. След в след. Давно не видно было Ванькиного деда с его шавкой. Избавился от бессонницы? Или заболел, не выходит? С тех пор как романтическое утреннее свидание закончилось так постыдно и пошло, Сашка и Конь почти не разговаривали. Держались, как обычно, сдержанно, равнодушно. Как будто ничего не случилось. Не вышло принцессу раскодировать.

Сашка опомнилась. Какой это круг: восьмой? Десятый? Многократно повторенные следы на снегу сде-

лались большими и глубокими, как будто здесь пробежал снежный человек в огромных валенках.

С темного неба повалил снег. Где-то проехала, вопя сиреной, «Скорая помощь». Не к нам, подумала Сашка с мрачным удовлетворением. Не про нас. С нами-то ничего не может случиться.

Справлять естественные надобности на морозе — удовольствие маленькое. Сашка выбралась из кустов, тщательно застегиваясь, отряхивая снег, напавший с веток. Было бы здорово, если бы эти проклятые монеты никто, кроме нее, не видел. Но ведь видят... Позавчера мама спросила, случайно наткнувшись на «дневную выручку»: «Что это у тебя опять?» Сашка соврала, что это латунный сплав, фишки для игры... Какое там казино, ты что! Игра вроде шашек, мы в школе играем...

Мама поверила. Ведь раньше Сашка никогда ей не лгала. Ну, почти никогда.

Она вошла в квартиру. Дверь в мамину комнату была закрыта. Стояла плотная тишина, только снег шелестел, ударяясь о жестяные козырьки окон.

Сашка прошла в ванную. Включила горячую воду и долго смотрела на бегущую струю.

А потом ее вырвало деньгами. И сразу — парадоксально — сделалось легче.

* * *

Горка монет росла. Сашка складывала их в старый носок и хранила в нижнем ящике письменного стола, под горкой черновиков. Неизвестно, что сказала бы мама, однажды наткнувшись на этот клад, но у мамы в последнее время было много других забот.

На полочке в ванной утвердились помазок и бритва, в стакане с зубными щетками появилась чужая, и Сашка больше не смела бродить по дому в трусах и майке. Запах мужского одеколона перебивал все прочие, привычные запахи. И мама, всегда на Сашкиной памяти принадлежавшая ей и только ей, теперь делила свое внимание между дочерью и Валентином — причем последнему, как новенькому, доставалась львиная доля.

Очевидно, в планы Валентина входило «наладить контакт» с Сашкой. Он заводил с ней длинные разговоры за ужином, и деликатность мешала Сашке сразу же уйти. Ее ждали учебники, много непрочитанных глав и недописанных рефератов, на границе ночи и утра ей предстояла пробежка, унижительный поход в кусты и звон денег о раковину. А Валентин обстоятельно расспрашивал о ее жизни, о планах на будущее, докапывался, почему же она так хочет стать филологом, и не думала ли она о литературных переводах с английского, и что в некоторых коммерческих вузах есть даже стипендии и всякие стимулирующие программы для отличников. Сашка принимала эти разговоры, как рыбий жир с ложечки, потом уходила в свою комнату и сидела там за письменным столом, бездумно водя ручкой по тетраднему листу.

Валентин занимался медицинской техникой, не то разрабатывал, не то тестировал, не то продавал, а может, все вместе. Из его подробных рассказов о себе Сашка не запоминала почти ничего. У него были дети, не то два мальчика, не то мальчик и девочка, о них он говорил много и охотно, подчеркивал, что любит их. Сашка, удивляясь про себя такому лицемерию, уно-

сила в комнату чашку с остывающим чаем и садилась пролистывать программу для поступающих в вузы. Слипались глаза. Глубокой зимой, темными-темными днями Сашка жестоко страдала от недосыпа.

* * *

В начале февраля случилась оттепель, а потом — за одну ночь — все опять подморозило. Сашка вышла на пробежку, полностью исполнила ритуал и, возвращаясь домой, у самого подъезда поскользнулась, упала и сломала руку.

Сидела, терпя боль, пока не проснулась мама. Увидев Сашкино предплечье, перепугалась и стала звонить в «Скорую». Вышел Валентин, вызвался ехать вместе с Сашкой, хмурился, сочувствовал, говорил какую-то ерунду вроде «Терпи, казак, атаманом будешь», и от его прибауток Сашке было стократ хуже. «Скорая», недолго думая, отвезла ее в больничный травмпункт, где старый хирург, серый от бессонной ночи и табачного дыма, молча закатал Сашку в гипс.

— Как груши, — сказал медсестре. — Падают и падают. Сегодня будет у нас урожай... А ты, — кивнул Сашке, — пойдешь в поликлинику по месту жительства. И не переживай: дело житейское. На молодых заживает, как на собаках.

Валентин отвез Сашку домой на такси. Боль почти прошла. Валентин рассуждал: как удачно, что рука пострадала левая, а значит, Сашка спокойно может ходить в школу и на курсы, писать свои конспекты, правая-то рука в порядке! Сашке казалось, что ее голова, перестав быть круглой, превратилась в аэроди-

намическую трубу и слова Валентина, втянутые в одно ухо, со свистом и ревом выносятся из другого.

Звонила с работы мама, волновалась, спрашивала, как дела. Сашка успокоила ее мертвым голосом, пошла к себе и легла, не снимая свитера, на диван.

Как теперь быть с одеждой? На улице минус десять... Как натягивать рукав на гипс? Как самой одеваться и раздеваться?

Три будильника стояли в ряд. Два тикали, один мигал электронным табло. Каждый день, каждый день, а Сашке в гипсе ходить полтора месяца...

«...Люди падают, ломают кости, гибнут под колесами...» Но ведь Сашка честно выполняла все условия! Почему же с ней все-таки это случилось?

Не переживай, сказал старый хирург. Дело житейское. В самом деле, будь Сашке лет семьдесят — тогда беда. А так — неудобство, неприятность, плохо, но не трагично...

Плохо, но не трагично. Если бы Валентина не хватил сердечный приступ на пляже — как развивались бы их с мамой отношения? Или никак?

Сашка пробралась на кухню. Накапала себе маминной валерьянки, выпила залпом — какая гадость! — и, забившись под одеяло, заснула.

* * *

В двадцать девять минут пятого ее подбросило, будто трамплином. Сашка села, ничего спросонья не соображая, попробовала выпрямить руку и дернулась от неожиданной боли.

Вспомнила все. Тряхнула головой; выходит, она проспала почти сутки?!

Во рту было сухо. Сашка встала, напилась воды из чайника, кое-как натянула спортивные штаны, влезла в сапоги. Сунула правую руку в рукав, кряхтя, набросила куртку на левое плечо. С лыжной шапочкой в руках вышла из дома.

Небо опять очистилось. Горели звезды. Лед во дворе был кое-где сколот, кое-где обильно посыпан песком и солью. Гипс на руке остывал — непривычное, неприятное ощущение. До пяти часов оставалось всего несколько минут, Сашка шла все быстрее. Спустилась в подземный переход, придерживаясь здоровой рукой за поручень. В полутемной трубе отдавались от стен ее торопливые шаги. Счет шел уже на секунды.

Перед входом в парк горел фонарь. И стоял, привалившись к столбу, человек.

Сашка прошла мимо, целеустремленная, как пуля. И только оказавшись на заснеженной дорожке, вздрогнула и оглянулась.

Свет фонаря отражался в стеклах дымчатых очков. Две горящие желтые точки.

— Иди домой, — сказал человек под фонарем. — Отдыхай. С этого дня можешь больше не бегать.

* * *

В марте сняли гипс. Мама предположила, что теперь-то наконец Сашкины нервы придут в равновесие и ее «выбрыки» прекратятся.

Ей на удивление тяжело дался отказ от утренних пробежек. Казалось, жизнь потеряла смысл. Присутствие Валентина раздражало все больше. Однажды он даже ушел жить в гостиницу, и мама не разговаривала с Сашкой несколько дней. Оставшись совсем одна,

Сашка бродила по улицам, презирая и школу, и курсы. Репетиторша в конце концов отказалась с ней заниматься.

Валентин уговаривал маму потерпеть. Уверял, что все дело в переломе, в анальгетиках, которые Сашка пила чуть ли не пригоршнями. Он был по-своему прав.

И мама оказалась права. Сбросив гипс, снова ощутив свою руку, Сашка успокоилась почти сразу. Цепь жизни вернулась на привычные шестеренки, и они завертели, отсчитывая дни: утро. Школа. Курсы. Уроки. Вечер. Ночь...

Набор одинаковых дней. Устоявшийся ритм. Сашка научилась не вздрагивать при виде прохожих в темных очках: наступила весна, и таких людей становилось на улицах все больше. В школе собирали деньги на выпускной вечер, долго спорили на родительском собрании и едва не разругались: кто-то, как Сашкина мама, предлагал праздновать скромнее, кто-то желал обязательно дорогие подарки всем учителям и круиз на пароходе по реке...

Сашка написала пробное сочинение на курсах и получила, к своему разочарованию, четыре.

— Не берись за свободную тему, — наставляла преподавательница. — Бери стандартное и раскрывай, как учили. Свободные темы — для гениев или для двоечников, не наступай два раза на одни и те же грабли!

Сашка слушала, кивала и знала, что рано или поздно человек в темных очках появится снова. И снова чего-то потребует, и Сашка не сможет отказаться.

Или попробовать однажды? Что, если сердечный приступ Валентина — случайность?!

Всякий раз, подумав так, Сашка пугливо оглядывалась. Она знала, что не сможет взбунтоваться. Не будет даже пробовать. Слишком страшно.

* * *

До медали она чуть-чуть недотянула. Разочарования почти не было: она давно знала, что так и случится. Выпускной прошел мимо: Сашка засыпала посреди общего веселья и была очень рада, что круиз, по крайней мере, не состоялся.

Ваня Конев танцевал с Ирой из параллельного класса. Сашке было почти все равно. Конь получил медаль и в момент выпуска был уже студентом мехмата.

А Сашка отправилась сдавать документы на филологию. Одна. Мама хотела идти с ней, но Сашка отбрыкалась.

Зацветала липа. Накрапывал дождик. Сашка шла и улыбалась. В этом году моря не видать как своих ушей, ну и пусть. Если не поступит с первого раза... неприятно об этом думать, но мало ли... Устроится где-нибудь секретаршей. Хоть на той же кафедре. Поработает, познакомится с людьми... Вырвется из этого проклятого круга — конспект, уроки, конспект...

— Саша!

Она обернулась, все еще улыбаясь. Человек в темных очках сидел на скамейке, мимо которой она только что в рассеянности прошла. Будто отражая ее улыбку, он растянул губы и приглашающе похлопал по скамейке рядом с собой.

Сашка подошла и села. Положила сумку на колени.

— Как рука? — небрежно спросил ее собеседник.

— Хорошо.

В мокрой липе над их головами возились воробьи. Чирикали, оглушая.

— Сколько у тебя монет?

— Четыреста семьдесят две, — ответила она, не задумываясь.

— Ты набрала проходной балл.

— Я пока не сдавала никаких экзаменов...

— Сдавала-сдавала, — он снова усмехнулся. — Держи.

И протянул ей рыжеватую бумажку, напечатанную типографским способом. Имя и фамилия Сашки были вбиты на пишущей машинке.

«Поздравляем! Самохина Александра, Вы зачислены на первый курс Института специальных технологий г. Торпы. Начало занятий — первого сентября». И ниже, мелким шрифтом: «По поводу поселения в общежитие обращаться...»

Сашка оторвала глаза от бумаги. Уставилась на человека, сидящего рядом на скамейке. Минуты две ничего не могла сказать.

— Что это?

— Это институт, где ты будешь учиться. Очень хороший институт.

— Я не понимаю, — сказала Сашка. — Я в университет... я...

Человек, сидевший рядом, вдруг снял очки.

Сашка ждала всего, чего угодно. Что у него вообще нет глаз. Что глаза нарисованы на бледных слипшихся веках. Что глаза зашиты суровой ниткой, что глазницы пусты...

Глаза были. Карие. Спокойные. На первый взгляд совершенно обыкновенные.

— Меня зовут Фарит, — сказал он негромко. — Фарит Коженников. Если тебе интересно.

— Интересно, — сказала Сашка после паузы. — Вы бы... отпустили меня, Фарит, а?

Он покачал головой:

— Саша. По результатам предварительных тестов тебя приняли в приличный институт, впереди у тебя почти целое свободное лето. Гуляй. Купайся. Набирайся сил перед учебой. К тридцать первому августа возьмешь билет до города Торпы. Можешь приехать за пару дней, поселиться в общежитие, освоиться...

— Да как я маме все это объясню?! — почти выкрикнула Сашка. Женщина, проходившая мимо, удивленно повернула голову.

— Как-нибудь объяснишь, — сказал Фарит. — Придумай как. А то ведь может статься, что и объяснять будет некому. Свобода, что хочу, то делаю...

Он снова надел очки. Сашка вцепилась в скамейку; спокойное лицо собеседника расплылось у нее перед глазами.

— А я вас... — начала она звенящим голосом. — Вы... ничего не можете. Ничего. Я в вас не верю. Я вас... Я хочу, чтобы это был сон!

Ничего не случилось. Отражалось в лужах проглянувшее солнце.

Сашка хотел еще что-то сказать — но вместо этого разрыдалась от ужаса, беспомощности и стыда.

— Тихо, — сказал Фарит. — Тихо... Я же сказал: ничего несбыточного, ужасного, невозможного я от тебя требовать не буду. Никогда.

Сашка редела. Слезы капали на рыжеватую бумажку, напечатанную типографским способом.

— Ну что ты за человек, — устало сказал Фарит. — Нужен тебе этот университет? Нет. Сто лет не нужен. Хорошо тебе жить в двухкомнатной малометражке с молодоженами? В новом статусе падчерицы? Нет, Саша. Но ты все равно идешь по проторенной дорожке? Ничего не хочешь менять?

— С ней будет все... в порядке! — сквозь слезы выкрикнула Сашка.

— Конечно. Она будет здорова и даже счастлива. Потому что ты умная девочка и сделаешь все, как я тебе сказал... Не спрашивай, что будет, если не сделаешь.

Он легко поднялся.

— Деньги сохрани, привези с собой. Адрес института указан на бумажке. Постарайся не потерять... Саша, ты меня слышишь?

Она сидела, закрыв лицо ладонями.

— Все будет хорошо, — сказал человек, назвавшийся Фаритом Коженниковым. — Можешь сдавать экзамены в университет, пожалуйста. Не хочешь лето гулять — как знаешь. Условие одно: к первому сентября ты должна быть в Торпе. Тебя поселят в общежитии. Предоставят бесплатное питание. Дадут стипендию, немного, но на пирожки хватит. И перестань реветь. Стыдно за тебя, честное слово.

* * *

Сашка сидела на скамейке, пока окончательно не высохли слезы и не выровнялось дыхание. Дождь перестал — и снова пошел. Капли пробились сквозь листья липы. Сашка раскрыла зонтик.

Она не спросила, каким таким специальным технологиям учат в институте города Торпы. Честно говоря, это ее вовсе не интересовало. Ей было семнадцать лет, большая часть времени прожита зря, а уж последний год — и подавно. Конспекты, учебники... ради чего?

У нее не было друзей. Мама свою любовь переключила на Валентина — как переключают железнодорожные стрелки. И не к кому было идти, некому жаловаться на человека в темных очках, назвавшегося Фаритом Коженниковым.

Она поднялась. Дождь давно перестал, вышло солнце, но Сашка шла под зонтиком, не замечая удивленных взглядов. Поднялась на высокое крыльцо универа, выстояла очередь из таких же, как она, абитуриентов, сдала секретарше заявление, аттестат, медицинскую справку. Честь честью. Как и собиралась.

После этого вернулась домой. Сложила стопкой все книжки и общие тетради. Полюбовалась. Запахнула поглубже в стол.

Потом снова вытащила. Ну что делать, если это — вот это! — составляло ее жизнь на протяжении многих месяцев? Человек, назвавшийся Фаритом Коженниковым, прав: она не сможет соскочить с проторенной дорожки. Она будет сидеть и заниматься, уже зная, что все впустую, но в глубине души надеясь, что это пригодится, может быть, при изучении «специальных технологий»...

Она нашла перечень вузов — справочник для абитуриентов. Пролистала от начала до конца. Ни города Торпы, ни института специальных технологий не нашла.

Не удивилась.

* * *

Всю свою сознательную жизнь она была прилежной ученицей. Сдавать экзамены спустя рукава оказалось не так просто.

Кругом все волновались. Рассовывали по карманам шпаргалки. Чьи-то матери пили валидол. Летала пыль в огромных гулких помещениях, пахло старой библиотекой, а снаружи стояла жара, жара, пекло. Сашке было все равно. Она чувствовала себя стеклянной и равнодушной, как новогодний елочный шарик.

Сочинение написала легко. На устной истории чуть не сгорела от стыда: перепутала даты, вообще один вопрос забыла напрочь. Получила «четыре». Выйдя из аудитории, окруженная потной толпой, удивленно спросила себя: что я здесь делаю? Почему меня до сих пор волнует Куликовская битва?!

Мама первым делом поинтересовалась оценкой и, услышав правду, страшно разочаровалась.

— Как — четыре?! Уж история-то... устная... А как же курсы? Ты же весь год ходила...

— Без взятки туда нечего и соваться, — глубоко-мысленно заметил Валентин.

Мамины глаза вдруг стали злыми.

— Без взятки... Да она книгу не открывала в последние дни! Как будто ей все равно! Гуляла где-то с утра до вечера... На пляж ходила? Без взятки и я поступала, и ты поступал, и поступили с первого раза!

— Были другие времена, — философски заметил Валентин. — А теперь...

— В крайнем случае, — сказала Сашка неожиданно для себя, — пойду и поступлю в другое место.

— В какое — другое?!

— В мире много хороших институтов, — брякнула Сашка и поскорее удалилась к себе в комнату.

Голоса мамы и Валентина еще долго не стихали. Спорили.

* * *

Конечно, она пролетела. Кто бы сомневался. Вывесили списки, Сашка со своими баллами оказалась под чертой.

Мама была готова к такому повороту событий. Заранее ясно было, что высокого балла Сашка не наберет и пятерочный аттестат ей мало чем поможет.

— Ты был прав, — со сдержанной горечью сказала мама Валентину. — Сколько репетитору ни плати... Надо было кому-то сунуть. Это я виновата. Надо было... Времена другие...

— Да что ей, в армию идти? — с наигранным весельем отозвался тот. — Она же не мальчик. Поработает годик, хлебнет взрослой жизни...

Сашка открыла рот. Набрала побольше воздуха...

И ничего не сказала. Решила выждать еще несколько дней.

Был август. Жара сменилась дождями. Мама взяла на работе короткий отпуск: они с Валентином собирались наконец пожениться.

— Скромно, — говорила мама, причесываясь перед зеркалом, посверкивая глазами. — Распишемся и поедем на несколько дней на базу отдыха... Мы там были, Сашка, помнишь, там такие домики деревянные и совсем рядом речка, лес...

— Дожди, — сказала Сашка.

— Ну, не навсегда ведь. И потом, там и в дождь хорошо. Там есть такие навесы... Под ними можно жечь костры, жарить шашлыки...

— Мама, — сказала Сашка, будто прыгая в ледяную воду. — Я поступила в институт. В институт специальных технологий города... города Торпы.

Мама обернулась. Две шпильки торчали у нее изо рта, как тоненькие вампиры клыки.

— Я уже поступила, — повторила Сашка. — Раз с университетом так получилось... Ну, я проучусь в Торпе год. А потом, может быть, переведусь.

Про перевод она придумала только что, глядя в почерневшие, округлившиеся мамины глаза.

— Какого города? — мама выплюнула шпильки.

— Торпа.

— Где это?

— Недалеко, — соврала Сашка. — Там общежитие предоставляют бесплатно. И еще стипендия.

— Институт... чего?

— Специальных технологий.

— Каких технологий! Ты же гуманитарий!

— Специальных... Мама, ну это же нормальный, приличный вуз. Не столичный, да. Провинциальный. Но там...

Сашка запнулась. Мама смотрела на нее, как мог бы смотреть муравей на охваченный пламенем муравейник.

— Саша, скажи, что ты пошутила.

Сашка вытащила из кармана рыжеватую бумажку, напечатанную типографским способом, когда-то покоробившуюся от дождей и слез, но тщательно проглаженную утюгом. Мама пробежала ее глазами. Посмотрела опять на Сашку.

— Послушай, тут дата — июнь... Откуда она у тебя?

— Получила по почте.

— Когда?

Сашка задержала дыхание. Врать маме вот так в лицо — нелегкий труд, без привычки не дается.

— Пару дней назад.

— Саша, ты врешь.

— Мама, это настоящий документ! Я поступила! В институт! И я буду там учиться! — У Сашки дрожал голос. — Так надо, понимаешь?

— Понимаю. — Мама оперлась о край стола. — Я понимаю. Ты ревнуешь. Ты — взрослая девушка — ведешь себя, как... как избалованный, скверный ребенок. С тех пор как... Не можешь мне простить, да? Не можешь простить и устраиваешь демонстрации?

— Нет! — Сашка захлебнулась. — Он тут ни при чем! Это просто... Ну... так получилось, что я поступила. Я поеду в Торпу, и...

— Никуда ты не поедешь, — в голосе мамы был февральский лед. — Ты будешь учиться в нормальных условиях, в нормальном вузе. Мне очень жаль, что я воспитала эгоистку, но больше никакого экстрима я не допущу. Спасибо за приятный разговор.

И она снова отвернулась к зеркалу.

* * *

Спустя два дня холодных, скованных отношений мама пришла домой непривычно веселая, с розовыми «яблочками» на щеках. Оказалось, в университете открыт добор на вечернее отделение и Сашку с ее баллами, может быть, примут.

— А работать будешь у нас на фирме, — говорила мама, споро расставляя тарелки, раскладывая жаркое. — Я договорилась. Днем работать, вечером пары. Потом можно будет перевестись на дневное. Наверняка можно. На втором курсе или на третьем...

Сашка молчала.

— Завтра с утра надо будет подойти на кафедру. Комната тридцать два. Ты слышишь?

— Я поеду в Торпу, — проговорила Сашка еле слышно. Над столом повисла мертвая тишина.

— Саша, — укоризненно сказал Валентин. — Ну зачем ты так?

Спасаясь, Сашка поднялась из-за стола. Оставив нетронутой свою порцию, ушла в комнату, залезла под одеяло и притворилось, что спит. Мама и Валентин говорили громко, сквозь стены и одеяло до Сашки доносились обрывки фраз.

— Успокойся, — говорил Валентин. — Да успокойся ты! Самостоятельность...

— Она несовершеннолетняя!

— Они взрослеют... им хочется... в конце концов, это же не край земли...

Голоса становились все тише — накал страстей спадал. Сашка закрыла глаза. Все складывается как нельзя лучше: маме и Валентину удобно будет остаться в квартире вдвоем. Сейчас они поговорят-поговорят, да и отпустят Сашку в неизвестную Торпу, где ее невеста что ждет...

Ее раздирало пополам. Если мама согласится легко — Сашка оскорбится навеки. Если мама встанет насмерть... а так оно, похоже, и случится...

Нет, не случится. Вот уже смеются на кухне. Договорились. Пьют чай. Решили: у девочки своя судьба, она

самостоятельная, пусть отправляется хоть черту в зубы! Довольны. Вот мы какие прогрессивные. А что? Множество школьников вот так уезжают из дому через лето после выпуска. Навстречу взрослой жизни... В общагу...

Сашка стянула с лица одеяло. За окном, за плотно задвинутыми шторами, все еще было светло. Восемь часов. Полдевятого. Август. До начала занятий осталось три недели.

В дверь Сашкиной комнаты негромко стукнули.

— Это я, — сказал Валентин. — Давай поговорим?

* * *

Они нашли город Торпу в атласе автомобильных дорог. Прозрачный кружок на карте, как раз в том месте, где листок слегка потерял на сгибе.

— Город, — хмыкнул Валентин. — Скорее поселок городского типа. Ну и что там может быть за институт?

Сашка предъявила ему рыжую бумажку. Он долго разглядывал ее, вертел в руках, хмурился.

— Ты что, подавала туда документы?

— Нет... То есть да.

— Но ведь твои документы лежали в университете!

— Туда можно копии... И потом, в универ же меня все равно не взяли.

— Институт специальных технологий, — снова прочитал Валентин. — Что это за технологии? Специальность твоя будущая как называется?

— Специальный технолог, — сказала Сашка.

Валентин нахмурился:

— Ты что, издеваешься?

— Нет, — Сашке было очень неловко. — Специальность там выбирают на третьем курсе. Или на четвертом. Я толком не знаю.

— Не знаешь, а готова ехать?

— Если мне не понравится, я вернусь, — сказала Сашка совсем тихо. — Честное слово. Если окажется, что это плохой институт, — я приеду обратно. Только скажите маме, пусть она не волнуется. Мне надо туда поехать. Очень надо. Дело не в том, что... совсем не в этом. Мне просто надо.

Она повторяла одно и то же на разные лады, а Валентин сидел перед ней, встревоженный, непривычно растерянный, и впервые в жизни Сашке вдруг показалось, что он ей не чужой.

* * *

— Вставайте, девушка. Торпа через полчаса.

— А? — Сашка подскочила и стукнулась головой о багажную полку.

Вся ночь прошла в полудремоте, ей удалось заснуть совсем недавно. Вагон был старый, сильно потряхивало, где-то на столе звенела ложка в пустом стакане. Проплывали тени и огни, пронизывали насквозь плацкартное пространство, где истекали потом разгоряченные полуголые тела. Свисали с полок углы простыней. Кто-то храпел, кто-то возился с полиэтиленовым кулком, а Сашка лежала на спине, на верхней полке, и уговаривала себя: через неделю вернусь. Условие — быть к началу занятий. О том, чтобы дожить в этой Торпе до выпуска, разговора не было.

Валентин хотел ехать с ней. Настаивал. Сам купил два билета в железнодорожной кассе, себе и Сашке.

Он собирался проверить аккредитацию вуза, условия в общежитии, словом, узнать и разведать все, и Сашка в глубине души была ему благодарна. К тому же темный человек, назвавшийся Фаритом Коженниковым, не требовал, чтобы Сашка заявила в Торпу в одиночестве.

Накануне отъезда Валентину позвонили из Москвы — его сын от первого брака попал под машину, и, хоть легко отделался, присутствие Валентина с его знакомствами в мире медицины было необходимо. Валентин, позабыв о Сашкиных проблемах, метнулся в Москву. Сашке пришлось сдавать его билет перед отходом поезда да еще убеждать маму, что она и так справится.

Мама провожала ее. Долго стояла у вагона, смотрела сквозь стекло, махала рукой, давала советы. Сашка мечтала, чтобы поезд поскорее тронулся. Но когда тепловоз в первый раз дернул — у нее душа провалилась в пятки, она готова была выпрыгнуть в окно, к маме в объятия.

Она в первый раз ехала в поезде одна. То и дело смотрела на багажную полку, где лежал ее чемодан. Нащупывала мешочек с монетами на дне сумки. Проверяла документы во внутреннем кармане — паспорт, аттестат, медицинская справка, справка о зачислении и еще какие-то бумаги, все это в плотном полиэтиленовом пакете. Ей было невыносимо одиноко, все время вспоминалось, как в таком же вагоне они ехали с мамой на море, за окном цвели маки, и было хорошо, спокойно, уютно...

Она плакала, скрывая слезы от попутчиков. И страшно укоряла себя за то, что тогда, в курортном поселке, поддавалась на уговоры человека в черных очках. Один,

самый первый раз, поддалась. Пусть был бы вечный кошмар, пусть она просыпалась бы и просыпалась на раскладушке в съемной квартирке, но была бы рядом мама. И море. Если жизнь человека состоит из половины летнего дня двадцать четвертого июля — это все равно хорошая жизнь. Во всяком случае, в ней нет ни золотых монет, ни Валентина, ни долгой дороги в Торпу.

Село за окнами солнце. Попутчики ужинали, похрустывая малосолевыми огурцами, обгладывая куриные ножки, очищая от скорлупы матово-белые вареные яйца. Сашка вытащила бутерброды, приготовленные мамой, и снова чуть не разревелась — в полиэтиленовом кульке был запрятан кусочек дома. Так ничего и не съев, спрятала ужин. Выпила стакан чая. И забралась на верхнюю полку...

— Девушка! Вы проснулись? Торпа, говорю!

— Да... Я сейчас.

Была граница между ночью и утром. Часа четыре, может, полпятого. За многие месяцы Сашка привыкла вставать в такую рань и знала: утро приносит облегчение. Сейчас, собираясь, шнуруя ботинки, стаскивая с полки чемодан (потихоньку, чтобы не разбудить спящих попутчиков, и все равно задевая чьи-то свисающие руки), она почти забыла о вчерашней тоске. Ветер дальних странствий, неожиданные открытия — этого ведь тоже у путешествия не отнимешь; она взрослый, самостоятельный человек, путешествующий без провожатых. Посмотрим, что за Торпа.

Она вытащила чемодан в тамбур. Проводница дремала на укрытой одеялом полке.

— Сколько стоим? — спросила Сашка.

— В Торпе? Минуту. У тебя много вещей?

Поезд пошел медленнее. Лязгнули вагоны. В темноте августовского утра Сашка ничего не видела — только проплыл в небе синеватый фонарь.

Поезд дернулся, лязгнул и остановился. Проводница, зевая, принялась ковырять ключом в скважине.

— Я не успеваю! — сказала Сашка в ужасе. — Пожалуйста, скорее!

Проводница вполголоса выругалась.

Поезд снова дернулся. Проводница наконец открыла дверь. Поезд медленно двинулся; забросив за спину сумку, волоча за собой чемодан, Сашка ссыпалась по железным ступенькам, приземлилась на низкий перрон и успела увидеть, как проводница, конвульсивно позевывая, закрывает дверь вагона.

Все.

Поезд набирал скорость. Сашка оттащила чемодан подальше от края платформы. Прогремел последний вагон, два огонька на его торце стали стремительно удаляться и быстро растаяли в темноте.

Зеленый огонь семафора сменился красным. Сашка стояла одна на пустой платформе...

Нет, не одна. Из полутьмы выбрела щуплая тень с большим чемоданом. Остановилась рядом.

Парень. Сашкин ровесник. Бледный, сонный, растрепанный.

— Привет, — сказал он, помолчав минуту. — Это Торпа?

— Привет, — сказала Сашка. — Говорят, что да.

— Я здесь в первый раз, — сказал парень.

— Я тоже.

Парень помолчал. Потом спросил неуверенно:

— В институт?

Сашка, в глубине души очень надеявшаяся на этот вопрос, энергично закивала головой:

— Ага. И ты тоже? Специальных технологий?

Парень улыбнулся с явным облегчением:

— А что, здесь разве есть другой?

— Не знаю, — призналась Сашка. — Ты вообще здесь видишь какой-то город?

Парень огляделся, приставив руки к глазам — биноклем:

— Офигительно огромный мегаполис. Вокзалище... А там, смотри, какой-то перспективный сарайчик!

Сашка рассмеялась.

Ситуация перевернулась моментально. Волоча за собой чемоданы и изощряясь в остроумии, новоиспеченные студенты прошли к «перспективному сарайчику» — он и оказался зданием вокзала. Сашка в порыве вдохновения назвала его «курятником после евроремонта». Ее новый знакомый оценил шутку залиvistым хохотом.

На вокзале не было ни одного человека. Кассы заперты. Продолговатые мерцающие лампы освещали пустую буфетную стойку, деревянные кресла с кое-где выцарапанными непристойностями, автоматическую камеру хранения на шесть ячеек (все дверцы открыты). Пол, довольно чистый, был мощен черно-белой плиткой.

— Как после атомной войны, — сказала Сашка, оглядываясь.

Августовские мухи тучей снялись с плафона и наполнили маленький зал оптимистичным гудением.

— Эй! — крикнул парень. — Есть тут кто?

Жужжание мух было ему ответом.

— Мне здесь не нравится, — сказала Сашка.

Они снова вышли на платформу. Понемногу светало. Под единственным на перроне фонарем висела размытая дождями табличка: расписание автобусов «Вокзал — Центр». Если расписание не врало, первый автобус должен был отправиться в неведомый «Центр» через час.

— Погуляем, — решительно сказал парень. — А повезет, так частника словим. У меня деньги есть.

Его звали Костя. То ли в присутствии Сашки он остро чувствовал себя мужчиной, то ли характер у него был особенно энергичный, но он постоянно пытался «рулить». Сашка не сопротивлялась: Костина деятельность (и даже самодеятельность) создавала у нее иллюзию защищенности.

Они засунули чемоданы в камеру хранения (ячейки работали без жетонов, на одном только коде). Нашли удобную скамейку на перроне и развернули запасы провизии. Сашкины бутерброды, так огорчившие ее вечером, сейчас улетели в одно мгновение: она поделилась с Костей, тот поделился с ней, нашлась бутылка минеральной воды, Костя открыл литровый термос, почти наполовину полный кофе. У Сашки задрожали ноздри; завтрак окончательно привел ее в хорошее расположение духа. Мимо станции прокатился товарняк, грохот улегся вдаль. Установилась тишина, нарушаемая только голосами птиц.

— Через полчаса придет автобус, — уверенно сказал Костя. — Адрес этой конторы — улица Сакко и Ванцетти, двенадцать.

— Ты не знаешь, кто такие Сакко и Ванцетти?

Костя пожал плечами:

— Итальянцы, наверное...

Мимо станции, уже в другую сторону, прокатился еще один товарняк.

— Скажи, пожалуйста, — осторожно начала Сашка, — а с чего это тебе пришло в голову поступать на эти... специальные технологии? Кто тебе подал такую... идею?

Костя помрачнел. Покосился на нее с подозрением. Сложил в кулек смятые салфетки и промасленную бумагу, уронил в пустую железную урну рядом со скамейкой.

— Да я просто спрашиваю, — быстро добавила Сашка. — Если не хочешь отвечать — то извини...

— Меня заставили, — неохотно признался Костя.

— Тебя тоже?!

Минуту они смотрели друг на друга. Каждый ждал, что первым заговорит другой.

— Странно, — сказал наконец Костя. — Ты ведь девочка. Тебе от армии косить не надо.

— При чем здесь армия?

— При том, — жестко сказал Костя. — Как по-твоему, мужчина должен служить в армии?

— Не знаю, — сказала Сашка. — Наверное, должен... — И тут же добавила на всякий случай: — А не хочет, так и не должен.

Костя вздохнул. Помотал головой.

— Мне родной отец такой ультиматум выставил... Я ведь на юрфак пролетел, как фанера над Парижем. Второй раз уже. Меня этой осенью должны были призвать. Так отец... — Костя замолчал. Покосился на Сашку, будто удивляясь, с чего это ему вздумалось посвящать попугачицу, с которой и часа не знаком, в такие интимные подробности.

— Значит, ты не хотел в этот институт?

Костя пожал плечами:

— Хотел, не хотел... Какая уже разница?

Они замолчали. На перроне по-прежнему было пустынно, не появлялся ни обходчик, ни уборщик, вообще никто. Из-за кустов поднималось красное августовское солнце. Пели птицы. На высоких травах, росших вдоль полотна, выпала роса, и каждая капля переливалась цветными огнями.

— А тебе ведь в армию не надо, — задумчиво сказал Костя.

Сашка промолчала. Ей очень не хотелось рассказывать историю своего знакомства с Фаритом Коженниковым. Она надеялась, что и у Кости случилось что-то в этом роде, а оказалось, все просто: провал экзаменов, осенний призыв на носу, суровый отец...

— Нам не пора? — спросила она немного нервно.

Костя посмотрел на часы:

— Ну, пошли... Там на остановке автобуса тоже скамейка есть...

Вопреки Сашкиным опасениям, железные дверцы ячеек открылись легко. Костя сгрузил на пол оба чемодана. Ко дну Сашкиного приклеился скомканный бумажный листок.

— Мусор какой-то, — пробормотал Костя и двумя пальцами отклеил бумажку.

Это была записка — крупные карандашные буквы можно было прочитать даже теперь, когда листок изрядно пожелтел и замызгался:

«Уезжай сейчас».

Подписи не было.

* * *

Через полчаса они сидели в маленьком автобусе, который Костя назвал «похоронным». Проклятая бумажка испортила обоим настроение, хотя каждый старался продемонстрировать другому полное к ней равнодушие.

Сашка знала, что не сможет уехать. Первое сентября — завтра, она должна быть на месте. Требование Фарита Коженникова она выполнит, а там — как придется.

Костя молчал. От его инициативности не осталось и следа. Автобус подъехал без пяти минут семь, за рулем был обыкновенный крепкий дядечка-водитель в поношенной джинсовой куртке поверх черной футболки. Сашка и Костя купили билеты и уселись на заднем сиденье. Водитель завел мотор, тут же, откуда ни возьмись, появились старушка с корзиной, женщина с лопатой, завернутой в мешковину, и два молодых парня безо всякого багажа. Сашке показалось, что парни приметили их с Костей. Она снова почувствовала себя одинокой и незащищенной.

Сначала катили среди полей, где здесь и там виднелись человеческие фигурки. Потом въехали в Торпу. Это не был поселок, каким он представлялся Сашке: кирпичные пятиэтажки вперемежку с «частным сектором». Это был город, очень старый и совсем не «модернизированный»: тяжелые каменные дома, иногда с колоннами, иногда с лепниной на фасаде. Кривые улочки, иногда залитые асфальтом, но чаще — мощенные черным булыжником. Окна, закрытые зелеными ставнями. Скаты черепичных крыш. Выщербленные ступеньки.

— Смотри-ка, — приглушенно сказал Костя. — Прямо хоть кино снимай. Ничего так городишко, а? Сашка молчала.

Автобус остановился на маленькой площади, под навесом обыкновенной остановки.

— Торпа, — сказал водитель. — Приехали.

Сашка дождалась, пока выйдут два подозрительных парня, и потом уже выбралась вслед за Костей из автобуса. Водитель передал им чемоданы, уселся в свое кресло, газанул — и автобус скрылся из глаз прежде, чем Сашка и Костя успели оглядеться.

Они снова были одни. И старушка, и женщина с лопатой, и парни куда-то подевались.

— И у кого тут спрашивать дорогу? — саркастически осведомился Костя.

— Тут указатель есть, — сказала Сашка, присмотревшись. — Вот: «Сакко и Ванцетти, 1,5 км».

* * *

Путь в полтора километра они проделали почти за полчаса — Костя, пыхтя, тащил оба чемодана. Сакко и Ванцетти оказалась непомерно длинной улицей и начиналась со сто четырнадцатого дома — дальше нумерация шла по убывающей. Тротуары то делались широченными, то совсем пропадали. Улица то раздавалась, как река в половодье, и становилась бульваром, то вдруг сжималась и превращалась в ущелье.

— Стильный городок, — бормотал Костя.

Камень и облупившаяся штукатурка. Плетви винограда и плюща, протянувшиеся по водосточным трубам. Герань в подвесных вазонах. Сашка вертела голо-

вой: вот трехэтажный особнячок, похожий на замок, с уютными алебастровыми химерами. Вот унылое бетонное строение со старинными промышленными кондиционерами, навешанными на окна снаружи. Вот деревянная развалюха, на крыше которой успела подрасти молодая березка.

Под каждым карнизом лепились неперменные ласточкины гнезда. Птицы пронизывали воздух, накрывая улицу подвижной черной сеткой, выписывали петли, иногда ныряли в разбитые чердачные окошки. В кронах каштанов и лип истошно кричали воробьи.

— Да нормальный вроде город. — Сашка потеряла ладонью усталую шею.

Открывались магазины. Перед окошком хлебного стояла маленькая чинная очередь: три старушки с кошелками. У магазина «Вино-табак» курили трое мужчин в спецовках. На противоположной стороне улицы рабочие чинили крышу, натужно вращался блок, и почти над головами прохожих плыл чан со смолой, и трепещущие линиялы фляжки на проволоке отгораживали зону, куда ни в коем случае нельзя заходить...

Здание под номером двенадцать оказалось большим домом, много раз, по всей видимости, перестроенным: два этажа сложены из цветного кирпича в стиле «пряничный домик», третий — из белого силикатного безо всяких изысков, а четвертый этаж и вовсе деревянный. К парадному входу вело каменное крыльцо с пологими, истертыми до дыр ступенями. Высоченная черная дверь выглядела неприступно и строго. Слева тускло поблескивала табличка:

«Министерство образования. Институт специальных технологий».

— Пришли, — сказал Костя, опуская чемоданы на бульжную мостовую.

Саша смотрела на дверь. Черный прямоугольник с отполированной медной ручкой. Четыре ступеньки, ведущие вверх.

Костя тяжело дышал. Он протащил два огромных чемодана вдоль длинной улицы Сакко и Ванцетти и мог теперь не скрывать ни одышки, ни сердцебиения, ни пота на лбу. Сашке было сложнее; выравнивая дыхание, она могла поклясться, что Костя и она сейчас думают об одном и том же: еще не поздно отсюда спотаться. Пока не шагнули через порог. Такое ощущение, что, когда эта дверь закроется за спиной, обратного пути не будет.

Костя молчал, не желая показаться малодушным в Сашкиных глазах. «Что я здесь делаю, — в панике подумала Сашка. — Почему я не дома... почему иду туда, куда не хочется идти, как покорная овца, как собака на поводке?!»

Костя огляделся.

— Нету ли здесь забегаловки какой-то, — сказал, будто бы про себя. — Чтобы хоть кофе выпить... А то во рту пересохло... Смотри, кафешка!

В самом деле, прямо напротив института имелся вход в полуподвал, над которым висела деревянная доска: «Пирожные, кофе, чай». На тротуаре стоял одинокий стол с раскрытым над ним полосатым пляжным зонтиком.

Сашка вздохнула и снова перевела взгляд на здание института. Окна — маленькие на первых двух

этажах, широкие на третьем, тусклые на четвертом — смотрели на студентов фасеточным взглядом.

— Пошли, — хрипло сказала Сашка. — Не торчать же тут с чемоданами весь день.

* * *

В огромном полутемном холле никого не было. Стеклянная будочка вахтера пустовала. Направо и налево тянулись лестницы, а впереди, под столбом света, лившегося откуда-то сверху, возвышалась конная статуя невиданных размеров.

— Жеребец, — сказал Костя со сдавленным хихиканьем.

Сашка, как замороженная, подошла ближе. Лошадь в самом деле была «жеребец»; брюхо ее и ноги были изваяны с анатомической точностью. Колоссальные бронзовые копыта попирали гранитный постамент. Сверху свисали огромные сапоги в стременах. Лицо всадника разглядеть было невозможно — оно терялось вверху, и как Сашка ни пыталась выбрать угол зрения, видела только огромный вздернутый подбородок и выпирающий кадык.

— Первокурсники?

Голос прокатился эхом по пустынному холлу. Сашка и Костя обернулись; невысокая вахтерша в ситцевом платье стояла у входа, ее толстый палец с конфетно-розовым ногтем велел обоим подойти.

— Вам в деканат. За лестницей по коридору прямо, увидите сами, там на двери написано. Чемоданы оставьте. Никто их здесь не возьмет.

* * *

В длинном коридоре пахло пылью и свежей известкой. Тянулись двери — как в школе, только выше и, пожалуй, значительнее. Надпись «Деканат» в стеклянной рамке не давала ни единого шанса заблудиться.

Сашка вошла и зажмурилась.

В комнате было очень светло — снаружи сквозь окна врвалось солнце. Прямо перед Сашкой обнаружилась деревянная перегородка с дверцей. По ту сторону перегородки сидели две дамы — толстая и тонкая, обе в белых блузах, с одинаково непроницаемыми выражениями таких разных лиц.

— Первокурсники? — спросила толстая. — Давайте документы.

Сашка завозилась с застежкой внутреннего кармана — для пущей сохранности там имелась еще и булавка.

— Давайте-давайте, — поторопила толстая женщина. — Сдавайте, юноша, если готовы.

Костя шагнул к барьеру первым. Женщина отложила его аттестат, развернула паспорт, сверилась с длинным списком на столе.

— Поздравляю, вы зачислены на первый курс, — сообщила буднично. — Распишитесь здесь. Вот вам ордер на поселение, вот талоны в столовую — бесплатные обеды. Учебники вам выдаст преподаватель. Погуляйте пока в коридоре, пока я девушку оформлю...

Тонкая женщина не проронила ни слова. Через плечо коллеги заглянула в список; прищурившись, очень внимательно поглядела на Костю. Под этим взглядом он и вышел, сжимая в руках серый конверт с печатью.

Сашка подошла к барьеру. От времени на нем стерлась краска, каждое древесное волокно выступало рельефно. Сашка не выдержала — и провела по прожилкам ладонью.

— Как вас зовут? — спросила Толстая, почему-то не торопясь раскрывать Сашкин паспорт.

— Самохина Александра.

— Самохина. — Палец с длинным ногтем побежал по списку. — Самохина...

— Фарита девочка, — себе под нос проронила Тонкая. Сашка вздрогнула, от ее движения хлопнула деревянная дверца барьера.

— Коженников — ваш куратор? — спросила Толстая, не глядя на Сашку.

— Ну...

— Поосторожнее с ним, — сказал Толстая. — Он хороший человек, но жесткий. Вот ваш ордер на поселение, талоны в столовую. Монеты у вас с собой? Тут записано — четыреста семьдесят две?

Сашка снова полезла в сумку. Сочетание этой обычной комнаты и обычной, казалось бы, канцелярской процедуры с золотыми монетами неизвестного достоинства, явившимися на свет во время приступа рвоты, заставило ее на минуту потерять чувство реальности. Даже солнце за окном показалось ненастоящим.

Женщина приняла у нее из рук тяжелый полиэтиленовый кулек. Положила куда-то под стол: звякнуло золото.

— Все, — сказала Толстая. — Идите поселяйтесь, завтра в девять утра все первокурсники собираются в актовом зале, от входа прямо, мимо статуи, там ма-

ленькая лестница, увидите. Эй, кто там дальше, заходите!

— А где общежитие? — опомнившись, спросила Сашка.

* * *

Общежитие помещалось в глубине двора, попасть в него можно было либо из здания института, либо с улицы Сакко и Ванцетти по тесному, темному и вонючему переулку. Сашка, оценив переулочек издали, решила после наступления темноты и носа в нем не показывать.

Снаружи общага представляла собой длинный, облупившийся, видавший виды двухэтажный барак. Входная дверь оказалась запертой. Костя постучал согнутым пальцем, потом кулаком, потом осторожно грохнул ногой.

— Странно, — сказала Сашка. — Спят они, что ли? Который час?

Костя обернулся, чтобы ей ответить, в этот момент дверь скрипнула и открылась. Костя отступил, чуть не свалившись с порога.

В дверном проеме стоял высокий, баскетбольного роста парень с черной повязкой через правый глаз. Был он болезненно худ и как-то скособочен, будто одна половина тела у него была сведена постоянной судорогой. Его единственный глаз, голубой, поглядел на Костю и переметнулся на Сашку. Сашка попяtilась.

— Первокурсники? — спросил парень сильным, будто сорванным голосом. — Поселяться? Ордера есть? Заходите...

Парень скрылся в темноте, оставив дверь приоткрытой. Сашка и Костя переглянулись.

— Мы тоже такими будем? — с преувеличенной кротостью поинтересовался Костя. Сашка промолчала: шутка показалась ей неудачной.

Они вошли. Изнутри барак был немногим веселее, чем снаружи: коричневый линолеумный пол, стены, выкрашенные синей краской до уровня глаз и оштукатуренные выше, лестница с железными перилами. Откуда-то вырывались струи пара и слышался шум воды в душе.

— Сюда. — Одноглазый парень обнаружился за канцелярским столом, над которым висел фанерный щит со многими ключами. — Ты, девочка, пойдешь в комнату двадцать один, это второй этаж. А ты, мальчик, в седьмую, это по коридору направо. От двадцать первой ключ — вот. А в седьмой живут два второкурсника, они уже приехали.

— Вы тут работаете? — нерешительно спросила Сашка.

— Подменяю. Я на третьем курсе вообще-то. И зовут меня Витя.

Парень подмигнул единственным глазом и засмеялся. Половина лица оставалась при этом неподвижной, только уголок рта уехал куда-то вниз. Смотреть на этот смех было так жутко, что Сашка чуть было не разревелась.

Подхватив чемодан, не замечая его тяжести, она рванула вверх по лестнице. Там был точно такой же коридор, тускло блестел линолеум, на белых дверях, выкрашенных масляной краской, темнели номерки. Сашка дошла до номера «двадцать один», трясущейся

рукой сунула ключ в дверную скважину и после минуты лихорадочных усилий отперла.

Три панцирные кровати под полосатыми матрасами. Три письменных стола, три тумбочки. Дверцы встроенного в стену шкафа. Большое окно, приоткрытая форточка, пыльный подоконник. Сашка втащила внутрь чемодан, села на ближайшую кровать и разрыдалась.

Минут пять она оплакивала свою жизнь и свою беду, когда в коридоре раздались шаги. Сашка едва успела вытереть слезы: в дверь стукнули и тут же, не дожидаясь ответа, вошли две девочки: Сашка видела их мельком, в коридоре, по дороге из деканата в общежитие. Обеим было лет по семнадцать: одна блондинка в голубом джинсовом костюмчике, другая — русоволосая, круглая, в юбке до колен и трикотажной кофте.

— Привет, — пробасила русоволосая.

— Привет, — сказала блондинка и тут же спросила, увидев Сашкины красные глаза: — Ты чего?

— Да так, — Сашка отвернулась. — По дому соскучилась.

— Ага, — блондинка рассеянно огляделась. — Понятненько...

— А по мне, так даже хорошо, — сказала русоволосая, подтаскивая свои вещи к кровати у окна. — Свободная жизнь, никто над душой не стоит. Делай что хочешь.

Сашка подумала, что делать что хочет она не сможет, наверное, до самой смерти. А будет, наоборот, делать то, чего смертельно не хочет. Смотреть в глаза Коженникова, скрытые за черными очками, и выполнять, выполнять любые его капризы под страхом расправы...